

12+

**ВИКТОР
АНАНИШНОВ**

ХОДОКИ ВО ВРЕМЕНИ

**Книга 2
СУЕТА ВО ВРЕМЕНИ**

Виктор Ананишнов

**Ходоки во времени. Суета
во времени. Книга 2**

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Ананишнов В. В.

Ходоки во времени. Суета во времени. Книга 2 /
В. В. Ананишнов — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Вторая книга Ходоков. Время пластично и может препятствовать, содействовать или просто проявляться. Время нейтрально, именно те, кто живет, перемещается или застревает в нем, наполняют его всем, что в нем происходит. Ходить во времени не просто. Каждый период времени отличается природными явлениями и населён людьми, чьи взгляды не совпадают с пришлыми из другого времени. Да и сами ходоки не безупречны. Они обычные люди со своими мнениями, страстями и ошибками. Оттого попадают в неожиданные ситуации. Заранее благодарю за Ваш отзыв! Вы готовы к продолжению?

© Ананишнов В. В., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

Часть четвёртая	5
Просьба Симона	5
Шлом	8
Хозяева жизни	12
В мешке	15
Сол	16
Перль?	19
Хозяева жизни	21
Сол и его мешок	23
Хозяева жизни	25
На острове Забвения	27
Похищение	31
Арно	33
От Ивана	39
Перкунас	41
Пирик	46
Великий Пелилакканк	51
Может ли КЕРГИШЕТ?	57
Кредо Уленойка	59
Реликты	61
Конец ознакомительного фрагмента.	71

*Настоящее – тень прошлого, будущее – рассеянный свет
настоящего*

Автор

От времени и от людей можно ожидать решительно всего.
Л. Вовенарг

Часть четвёртая

Мешок Сола

Больше всего зла причиняет человеку человек же.
Плиний старший

Птице кажется, что поднять рыбу на воздух – доброе дело.
Р. Тагор

Просьба Симона

Симон застал Ивана и Камена за чаем. Он осмотрел быстрым взглядом скучные лица ходоков – Учителя и ученика, – небогатый стол: любимые пряники Сарыя, тёмно-коричневые поверхности крепко заваренного чая прямо в чашках, миниатюрная сахарница.

– Случилось что? – спросил Симон, принимая от Ивана пачку индийского чая.

Отсыпал долю и залил кипятком.

– Да уж, – проскрипел Сарый и медленно, дыша через нос, втянул в себя полчашки за один дух.

– Говори!

– Это не у меня. У него!

Учитель скромно потупился и начал грызть очередной пряник, всем видом показывая: что хотите, то и делайте, а я занят.

– Ваня?

Иван вяло махнул рукой. Что говорить? Перекипело у него. Один неприятный осадок остался; ковырнёшь его – ещё хуже будет. Но, может быть, тоскливо подумал он, Симон что-нибудь знает.

– Ты слышал о трёхглазых людях? – обратился он к нему без надежды услышать положительный ответ.

– Хм... – Симон подул и согнал пар над чашкой. – Третий, конечно, ложный?.. Ну, скажем, нарисованный?.. Татуировка?

– Нет, настоящий, – сказал Иван и тут же поправился. – Наверное, настоящий. Во всяком случае...

Иван замолк, недовольный собой, так как всё, что он сказал, таило в себе нелепость... По истине! Сидят они, трезвые люди, а он говорит об обладании человеком какой-то странностью – третьим глазом. О фольклорном персонаже. Симон как будто так его и понял.

Симон же посмотрел на Сарыя – тот доедал пряник и на его немой вопрос не отозвался.

– Я... – неуверенно начал Симон и встрепенулся. – А я ведь слышал! И рассказал мне об этом... Камен, ты же мне и рассказал о них. Так?

– Учитель! – вскричал потрясённый Иван. – Как же так? Мы с тобой весь день об этом только и говорим. А ты?

Сарый выпрямился и принял позу, при которой он мог произнести только одну фразу: «Каждый верт...», но изменил своему правилу и сухо обронил:

– Ну и что?

– Как ну и что? Ты же мне мог об этом сказать – и не сказал. А? Но почему?

– Ну-у... – не изменил позы Сарый. – Ты у меня ведь и не спрашивал о трёхглазых. И потом, что только не болтают в Фимане. Если каждому верить, то головы не хватит.

– Кто? – Симон сурово и требовательно посмотрел в упор на Сарыя из-под белёсых бровей.

– Ну-у... А, да... Перкун говорил.

– Я не ослышался?

– А что? – встрепенулся Сарый, будто его поймали на чём-то нехорошем. – Он тоже человек. Вы все думаете, что в Фимане только и...

– Камен, оставь Фиман в покое! Что говорил Перкун?

Сарый засопел и с сожалением отложил любимое лакомство.

– Он говорил... Да, он говорил, что где-то жили или живут трёхглазые люди. И третий глаз у них во лбу как звезда горит. Ха! Вот так-то! Звезда!.. Они с помощью его охотятся на зверей и людей, убивая одним его взглядом.

– Так, так, – заволновался Иван. – Может быть, и так. Что-то похожее и мне думается. Их эволюция пошла по этому пути.

– На что похожее, Ваня?

– На третий глаз Напель.

– Ага, – Симон задумался. – А кто такой, этот Напель?

– Это она.

– Хорошо. Так кто она?

– О! – закатил глаза Сарый. – Чудо!

– Видел?

– Да уж насмотрелся, – сказал менее восторженно Сарый и ощупал шишку на голове.

– Ваня!

– А! – вновь, будто сонно, отмахнулся Иван.

– У меня, Ваня, есть время. Рассказывай всё. И не мелочись, а подробнее, чтобы ясно было, что к чему.

– Да, это точно, – согласился Иван. – Коротко не получится.

Начал рассказ Иван всё-таки нехотя. Казалось всё уже таким далёким, не реальным. Симон его не торопил.

К третьей страже Сарый всхрипнул, склонив голову прямо на стол. В руке его остался зажатый недоеденный пряник. Ивану пришлось его перенести на кровать, раздеть, уложить, укрыть.

– Н-да, – невесело крикнул Симон, выслушав рассказ Ивана обо всём, что случилось с ним в неожиданном путешествии за Пояс Закрытых Веков.

Сообщение о самом Поясе его как будто не заинтересовало. Он отметил совсем иное:

– Самое страшное – это когда перли узнают правду. Не дай и не приведи... – Он замолчал, погрузился в свои мысли, медленно оглаживая колени ладонями. – Но третий глаз Напель... Я не слишком верю, что Перкун видел таких людей сам. В его времена, а это примерно четвёртый век – начало пятого новой эры, говорили и о двухголовых и безголовых, о трёхногих и одноногих... Сказки. Так что третий глаз или две пары глаз – тоже, наверное, выдумка чистой воды. Тем более, во лбу. В теменной части, возможно... Хотя поспрашивать его надо бы. Он ходит в прошлое далеко... Так вот и начни с него.

– Это что, в Фиман надо будет...

– Ваня, – укоризненно произнёс Симон.

– Что, Ваня? – Ивану хотелось возмутиться, однако он устал душой и телом, поэтому спросил без напора: – Что в этом пресловутом Фимане происходит? Послушаешь, так черти там водятся. Или я не дорос ещё, по-вашему, до Фимана?

– Дорос, успокойся. Надо будет, пойдёшь в Фиман. Да и не надо будет, – Симон изобразил усмешку на лице, – тоже сходишь. Ничего там особенного, кроме одной важной детали... – Симон вновь скупой усмехнулся. – Так что Фиман не обошёл ни одного ходока. Не обойдёт и тебя. Всеми своё время, Ваня... Но к Перкуну надо идти на капище, где он главный жрец и хранитель старины племени.

– Жрец? Это в Греции?

– Нет. Прикарпатье. Как я уже я сказал, это новая эра. А жрец? Так разные народы по-разному зовут таких людей. Там, у себя, Перкун как будто зовётся волхвом.

– Славянин, должно быть. Как ныне собирается вещий Олег... – процитировал Иван. – Это князь русский. Ему волхв предсказал смерть от коня. Когда конь пал от старости, то Олег приехал на его посмотреть, но из черепа коня якобы выползла змея и укусила князя, от чего он и умер. А змея...

Симон не дал закончить ему пересказ пушкинского стиха.

– Кочующий сюжет, Ваня. У многих племён и народов есть подобные сказания. Впрочем, всё может быть... Знаешь что, давай поспим. Утро уже, а я устал. Да и ты...

– Вы мне скажите, как добраться до этого Перкуна?

– Я тебя к нему сам отведу, так как объяснять дольше будет. Но, Ваня, ты помнишь наш разговор?

– У нас с тобой их было немало.

Симон устало усмехнулся. Иван то обращался к нему на Вы, то на ты.

– О доне Севильяке...

– Что-нибудь выяснили? – оживился Иван. – Ведь столько времени прошло. Я уж в прошлом набегался вот как, – Иван чиркнул себя ребром ладони под подбородок.

– Кое-что. Вот я тебя и прошу, прежде чем идти к Перкуну, сходить и поговорить со Шломом о мешке Сола. Наши пропавшие ходоки, и среди них дон Севильяк, по-видимому, находятся в этом проклятом мешке. Если он и вправду существует.

– А может и не существовать?

– Всё может быть.

– Вот как?

– Да, так. Если его нет, то все наши предположения отменяются. А это тогда... тогда всё может осложниться до настоящих неприятностей. Не буду о них упоминать. Будем, Ваня, надеяться, что он всё-таки в мешке Сола. Пошли спать!

Иван молча раскрывал диван, стелил постель на двоих. Весь он был в поиске Напель, но предложение Симона заставило его поступиться своими желаниями. Дон Севильяк того стоит. В конце концов, одно другому не мешает. Вернётся от Шлома и сразу займётся Напель.

– Ладно, – отворачиваясь лицом к стене, – сказал он. – Схожу к Шлому. Но только когда высплюсь.

– Выпись, Ваня. И мне дай поспать.

Шлом

Шлом вежливо, но холодно выслушал Ивана Толкачёва, в задумчивости пощипал волоски небольшой русой бородки, пуша её. Прищурился и глянул на высокое жаркое солнце, на дерево, чудом выросшее на голом камне.

– О мешке Сола, – сказал он без напряжения грудным звучным голосом, – по-настоящему я узнал не так давно от Раптарикунты. Ле-генда о Соле и его мешке известна среди ходоков давно, но только как легенда... Раптарикунта говорит, что это не легенда, а реальность...

– Как к нему пройти и где можно найти? Раптарикунту?

– Он умер шесть с половиной тысяч лет тому назад. – На открытом лице Шлома появилась улыбка, долженствующая означать и иронию – иди, мол, если можешь, глубже во время, но и сочувствие – дорога дальняя, не всем доступная и подвластная. – Только он сможет помочь тебе. Лишь его сведения достоверны, а у всех других – слухи и сплетни.

– Так как его можно найти?

– Это просто. Занятие Раптарикунты – отшельничество. И до него не трудно дойти и найти его. Надо только при встрече сказать ему некие слова. Запоминай!

Он набрал в лёгкие больше воздуха и произнёс длинную фразу на каком-то гортанном языке. До того они говорили на наречии ходоков. Но Иван, к своему удивлению, смог понять её всю. По-видимому, лингвам стал помогать ему в полную силу, хотя он не мог ожидать от него такого быстрого понимания сказанного. Либо в лингваме это уже было заложено, либо эти «некие слова» являлись расхожими во все времена. Он свободно перевёл:

– Временем послано и существует всё, что было, есть и что должно быть. Так?

Шлом пожал плечами.

– Я выучил это на слух, но что это означает, не знаю. Якобы так говорили древние люди... Но, оказывается, не очень, раз ты понимаешь этот язык.

Иван не стал переубеждать Шлома в его версиях.

– Знаю случайно, – сказал он. – Я скажу, и что?

– Это слова служат как бы пропуском в сознание Раптарикунты. Иначе тебе с ним даже не поговорить, он не услышит тебя.

– Спасибо, Шлом, – искрение поблагодарил Иван.

Он надеялся, что сам Шлом что-либо знает о пресловутом мешке Сола. Оказывается – нет. Но поблагодарить надо.

– Ты сам пойдешь? – как бы, между прочим, спросил Шлом.

Он насторожился. Всё-таки этот ходок явно из будущего и, по всему дальнего, но никаких забот о погружении в более далёкое прошлое не проявляет. А до Раптарикунты так далеко, что, пожалуй, кроме его самого, кто сможет дойти,?

– Я пойду. Надо.

Шлом пощипал бородку, глянул исподлюбья. Выказал, о чём только что думал:

– Это далеко во времени, а ты, я вижу, из очень далёкого будущего.

– Не страшно.

Шлом заинтересованно окинул взглядом мощную фигуру Толкачёва. Глаза его потеплели.

– Раптарикунта видел мешок Сола, как будто тоже в прошлом для себя. Или знал тех, кто видел. Тебе придётся тогда идти ещё глубже во время... А это десятки тысяч лет.

Первоначальный ледок в голосе Шлома таял.

– Что делать? Пойду глубже.

Шлом явно заволновался.

– Интересно...

Иван улыбнулся, Шлом ответил на его улыбку. Она красила его мужественное лицо и располагала к откровенности. После он пристально посмотрел Ивану в глаза и с лёгким вызовом спросил:

– А-а... ещё дальше?

– И ещё, – также с вызовом отозвался Иван.

– Неужели... – осторожно сказал Шлом. – Ренк?

– КЕРГИШЕТ.

Шлом приподнялся с камня, на котором сидел при разговоре с Толкачёвым, вытянул перед собой руки ладонями вперёд, будто хотел от чего-то невидимого оттолкнуться.

– Приветствую тебя! Я думал – это добрая сказка. Благодарю тебя!

– Это я тебя благодарю...

– Благодарю, что дал моим глазам увидеть тебя.

– Это важно?

– Да, – кивнул Шлом. – Для меня важно. И потом, если существует КЕРГИШЕТ, то и мешок Сола, значит, всё-таки не выдумка, а реальность, как утверждает Раптарикунта.

– Я тебя понял. Сам к отшельнику отведёшь?

– Сам, но только до места, а не до времени. У меня там граница. Неприятности иногда бывают. Я Раптарикунту вижу нечасто, лишь тогда, когда он приходит в своё настоящее. Остальное время он проводит тысячи на две в прошлом от своего дня рождения.

– Понятно, – сказал Иван. – Пойдём?

– Сейчас пойдём. Хочу сказать ещё... Сам Раптарикунта не знает Сола. К Солу действительно надо идти очень глубоко в прошлое. Но Раптарикунта отведёт тебя к тем, кто поможет достичь Сола. Для этого надо после тех слов, уже сказанных мной, добавить следующее...

Шлом сказал, а Иван перевёл:

– Во времени далеко видит глаз.

– Тогда он исполнит твою просьбу, – продолжил Шлом. – Да и любую другую. Другому не сказал бы, но ты – КЕРГИШЕТ, тебе можно. Верю, это пойдет на пользу всем – и ходокам, и остальным людям... Я рад, что встретил тебя, поговорил и оказал помощь.

Шлом вывел Ивана в пустынное место – окаймлённую невысокими горами долину. В скале, вздымавшей из земли на большую высоту, прямо перед ними виднелся вход в пещеру.

– Он здесь, – указал на неё Шлом, – проводит свою жизнь. Вернее, провёл когда-то, если говорить о сегодняшнем дне... С тех пор пещера населена зверьём. Люди сюда бояться приходить. Я с тобой здесь прощусь, сам его тут найдёшь.

Толкачёв Шлomu понравился и он, по обычаю своего времени, на прощание дружески обнялся с ним.

Больше они никогда не виделись. Шлом, любитель острых ощущений, погиб ещё молодым в какой-то незначительной стычке с соседним полисом в своём времени...

Иван проявился там же, но несколькими тысячами лет раньше до момента его прощания со Шломом, в такой же пустынной холмистой местности – годы не смогли здесь что-либо изменить. На рёбрах крутых холмов проглядывали коренные породы; их вершины, пепельные вблизи, становились вдали тёмно-синими и множились количественно. Рядом с местом проявления – вход в пещеру. Стало заметно, что пещера искусственно вырублена в скале кем-то и для чего-то.

Невдалеке, у тлеющего костерка, прямо под солнцем, лежали люди; по словам Шлома – последователи и ученики Раптарикунты. Они, похоже, спали или находились в полуобморочном состоянии. Тощие, грязные, едва прикрытые тряпками или обрывками необработанных шкурок животных вместо одежды.

После тёплого и сухого наружного воздуха из пещеры пахло сыростью и запахом разлагающейся плоти. Иван постоял в двух шагах от входа, привыкая к полумраку, сделал несколько

шагов и вскоре увидел невдалеке от себя на тонкой травяной подстилке маленькую скорченную фигурку человека. Она была похожа на статуэтку, вырезанную из потемневшего со временем узловатого корня.

Длинные седые волосы Раптарикунты редкими прядками прикрывали его страшно худое тело со сморщенной от бдений кожей. Узкая набедренная повязка, которой, по сути дела, прикрывать-то было нечего, составляла единственную вещь, связывающую отшельника с человечеством.

Маленькое, с печёное яблоко, лицо принадлежало, как показалось Ивану в первый момент, давно высохшей мумии. Подобное Иван видел впервые, и испугался – не опоздал ли; нагнулся к человечку и прислушался к его дыханию.

В этот миг прорезались тоненькие ниточки глаз на усохшем лице, из них капнула слеза. Раптарикунта шевельнулся, давая возможность человеку, пришедшему к нему в заброшенную пещеру, где он был живым мёртвым, погружённым в нирвану, удостовериться, что он ещё жив.

Иван, не мудрствуя, просто поздоровался. Отшельник ответил кивком обтянутой кожей головы и экономным жестом сухой руки. Иван произнёс первую фразу, узнанную от Шлома. Раптарикунта поднялся и сел. После второй фразы он молча поманил Ивана за собой, неожиданно резко становясь на дорогу времени и уходя по ней в прошлое.

Иван, уже привыкший к медлительности известных ему ходоков, едва не потерял старика из вида, поспешая за ним в глубь веков.

В поле ходьбы они обменялись буквально двумя словами:

– Куда? – спросил Раптарикунта.

– Мешок Сола, – так же кратко назвал причину появления в пещере отшельника.

– Да.

Шли они довольно долго. Где-то в сопредельном, реальном, мире проходили своим неторопливым порядком тысячелетия, а они стремительно возвращались к их таинственным истокам.

Раптарикунта обладал уникальной проницаемостью. Казалось, субстанция встречного времени им не ощущалась вовсе. Он двигался легко и ровно, без прыжков, свойственных Сарю, и без неуверенности Симона.

Далеко позади осталась бархатно-дымчатая стена будущего, светлеющим экраном уходящая в поднебесье, а впереди, в прошлом, стали прорисовываться контуры вздымающихся в пепельно-серое небо гор недоступности для Ивана, изрезанные глубокими ущельями, увенчанные пиками – величественная и притягательная панорама неведомых лет, событий и людей.

И где-то там, в их недоступных отрогах, Ивана поджидали аппаратчики, дежурил Хем...

Они проявились почему-то не сразу в нужном месте, а на захламлённой отбросами окраине довольно большого поселения. Над крышами глинобитных лачуг в центре посёлка возвышалось белое здание, словно прекрасная лилия, расцветшая среди зловонного болота. Здание купалось в догорающих лучах идущего на покой солнца и поражало не своими размерами и изяществом формы. Оно удивляло своим наличием. Иван не ожидал в таком далёком прошлом увидеть нечто подобное, да и само поселение озадачивало.

Не было видно – к чему он уже привык при погружении во времени – защитных стен, обеспечивающих относительную безопасность городам и самым малым поселениям людей – от других людей и зверья. В прошлые годы их было достаточно, чтобы оградить себя от нападения.

Раптарикунта, не стесняясь своей наготы, да и вообще своего вида, усохшего до скелетообразия, направился к центру посёлка.

Прежде чем двинуться вслед за ним, Иван осмотрелся и ещё раз прикинул пройденное время – шло, по его расчётам, начало пятидесятого тысячелетия до новой эры.

До белого здания было недалеко, но им пришлось некоторое время проблуждать в бессмысленном переплетении узких улочек – если это были улицы, – каких-то ям, низких оград и

куч мусора. По-видимому, недавно прошёл дождь, усугубивший их положение – жирная земля раскисла и неохотно отпускала ноги из своих неприятных объятий.

Особенно страдал отшельник. Подвижный и быстрый на дороге времени, в реальном мире он был беспомощен, как годовалый ребенок. Глядя на его страдания, Иван не выдержал и подхватил невесомое тело Раптарикунты на руки.

Откуда-то доносились голоса, блеяли овцы, но ходоки не встретили ни одного человека, который помог бы им выбраться из этого неожиданного лабиринта, занимающего пятак про-странства, несмотря на попытки Раптарикунты подсказать Ивану дорогу.

Разнообразие запахов, затопивших посёлков, поражало и раздражало Ивана. Ему хотелось есть и спать.

Быстро темнело. Иван торопился засветло добраться до дома, куда его так неудачно вёл отшельник. Ночью это станет просто невозможным делом. Старик тоже выражал нетерпение, говоря, что наступает час встречи. Ещё он сказал, что в том доме находится школа ходоков во времени, и что расположен он рядом с белым зданием.

Многие звёзды проклюнулись в потемневшем небе, когда они, наконец, остановились у нужных дверей. Иван опустил Раптарикунту на землю. На слабееющих ногах отшельник подо-шёл вплотную к двери и постучал условленным стуком.

Школу содержал невысокий темнолицый человек с невыразительными чертами лица. Он скользнул быстрым взглядом – довольно равнодушным, во всяком случае, ничего не выража-ющим, – по фигуре и одежде Ивана, и, узнав Раптарикунту, пропустил их в дом.

– Рад приветствовать вас, – сказал он негромко на языке ходоков, хотя и отличным от того, который знал Иван, но, в принципе, понятном, и склонился в глубоком поклоне.

Длинные волосы коснулись земли.

Хозяева жизни

– Или мы – или они! – зло кричал Радич. – А вы, дурачки, хлопаєте ушами... Где Симон, где этот новенький?.. Проворонили!.. Помните, нам с ними не ужиться. И мы должны собрать их всех, всех, всех!.. Вы слышали, всех в одну кучу, а потом разберёмся, что делать с ними дальше. Лишь бы руки себе развязать.

Радич выдохся, остервенело подёргал окрашенный хной ус, поправил чалму, сползающую ему на глаза.

– Ну ладно, – сказал он уже спокойнее, точно примиряясь с обстановкой. – Гнасис, как ведёт себя Севильяк?.. Слушайте все!

Худосочный Гнасис, соблюдая этикет собрания, поставил чашу с напитком на ковёр и раболепно склонил голову. Но его высказывания никак не вязались с покорностью. Он выпалил:

– Жрёт и пьёт, господин. Сквернословит... И... – Гнасис в нерешительности пожевал губами, сник. – Обещает каждому из нас придумать самую страшную кару... Меня вот сварить на медленном огне в белом вине собрался, а Вас, господин, подвесить...

Кто-то засмеялся.

– ...за ребро, – закончил Гнасис.

– Идиоты! – оборвал продолжающийся смех Радич. – А ты не ной!.. Во времени ходит? Хотя бы для разминки?

– Нет! Но лучше бы ходил, тогда можно было бы... Понятней стало бы, что у него на уме.

– Остальные?

– Кристофер бузит. Рот не закрывает. Того и гляди, меня заговорит. Вы бы послушали его, господин, а?

– Пусть говорит. Он к нам, мне кажется, ближе всех... Впрочем, как вы заметили, мне всегда что-то кажется, мне думается, мною нечто предполагается. А у вас? Ни того, ни другого, ни третьего!! – Радич снова рассвирепел, багровея лицом. Он сорвал с головы чалму и бросил ее на ковёр, оголив лоснящийся от пота череп, слегка оттенённый редким волосом. – Пока вы там бегаете взапуски за оставшимися ходоками, я решил выпустить Севильяка... Да, да, этого дона! Дона Севильяка... Что, испугались, кролики? Зато он нас быстро наведет на след и Симона, и того молодого ренка. Но только не советую попадаться вам под его руку. Ха-ха!.. Ладно! Собрал я вас сегодня не для этого. Вспомните, наконец, для чего мы плюнули на них и их законы. Не для того, чтобы только заниматься дряхлыми стариками, но и развлекаться. Повторяю по слогам! Раз-вле-кать-ся! Вот для чего! Пить, чёрт возьми! Правильно я говорю?.. А иначе на кой чёрт нам надо было всё это заваривать? А?.. В моём эмирате, слава Аллаху, достаточно развлечений. Пора бы вам о том вспомнить.

Приглашённые ходоки, чинно до того восседавшие на дорогих подушках вокруг эмира Абдаллы, как называл себя Радич в этой стране, задвигались, оправляя полы богатых халатов; некоторые из них плотоядно заулыбались.

– Ислам не поощряет вина.

– Заткнись, Арно! У меня в эмирате... Ну и что, что пока? Здесь у меня, – Радич развязно повёл рукой, – всё можно. И Аллах не запрещал пить вино, но... – он погрозил кому-то пальцем, – хе-хе... просто не рекомендовал его к употреблению.

– Нам всё равно, – заявил Арно. – Мы в твоего Аллаха не верим.

– Вот отдам тебя дервишам на побитие камнями, сразу уверуешь и в Аллаха, и в его пророка.

– Хо-хо-хо! – подхватили присутствующие.

– Хотел бы я на это посмотреть, – промямлил Владимир – маленький, щупленький ходок с глазами безумца, – язык у него от выпитого заплетался. – Сам бы...

– Если хочешь, я тебе такое устрою без дервишей, – угрожающе подался к нему Арно.

– Перестаньте! Не для того собрались.

Абдалла трижды негромко хлопнул в ладоши.

Просторное помещение, украшенное уникальными изразцами, уставленное великолепными поделками ремесленников золотых и серебряных дел и обвешанное бесценными коврами с красовавшимся на них оружием: саблями, кинжалами, метательными дисками, – сразу же наполнилось людьми: молодыми, в возрасте, старыми и престарелыми. Все они сноровисто рассаживались поодаль от группы ходоков, оставляя незанятым центр приемных покоев эмира.

Холёный визирь, оставшийся от прежнего эмира, степенно вошёл самым последним, осмотрел собрание и, согнувшись в поясном поклоне, мелким шагом приблизился к Радичу, ожидая приказаний.

– Толпа дармоедов! – громко высказался Арно, брезгливо наблюдая суету и потасовки за лучшие места. – Их легче перетопить, чем прокормить. Зачем они тебе, Джо?

Радич пожал плечами. Он сам с некоторым удивлением вглядывался в знакомую, примелькавшуюся картину.

– Это нам в наследство осталось от прежнего правителя, – неуверенно проговорил он. – И, кроме того... здесь, наверное, присутствуют нужные люди для моего... для нашего эмирата.

– Нужные люди здесь не толкутся, – посмел не согласиться Гнасис. – Гони ты их в три шеи и прикажи подать вина и баб!

– Гони их! – поддержали Гнасиса еще двое-трое ходоков, видя колебание Радича.

– Давайте я их перестреляю! – взвизгнул Владимир.

– Закрой рот, вонючка! – зло сказал ему Арно.

Владимир оскалился.

– Сам топить предлагал! – уколол он его и полез за пазуху.

– Джо, не послать ли нам этого ублюдка к Севильяку в гости? Вот будет потеха-то!.. Вынь, подонок, руку, иначе я тебе её сломаю.

– Как бы вам обоим к нему не отправиться! Что вам не хватает? Что не поделили?.. – гневно начал Радич. – Скоты! Мы же создали союз братьев, а не братоубийц. Перед вами распахнуты пространства и времена, а вам и там тесно!

Радич, распаляясь, позабыв о приглашённых придворных, краснел и старел лицом. Его бесили бесконечные и небезобидные перепалки ходоков, объединившихся под его лозунгами, которые, как ему казалось, освободили их от нудных запретов и бестолковых ограничений, и, в то же самое время, давали в руки перспективу, свободу действий в прошлом, настоящем и будущем.

– Будут вам и вино и гурии. Но не забывайте, в конце концов, что для этих вот людей, – Радич кивнул в сторону вошедших, – вы – прооб-раз будущего. Нашу демократию в действии, вот что они должны видеть. Кстати, Владимир, это ты позавчера устроил стрельбу на базаре?

– Так этот дикарь на меня с кинжалом бросился!

– Сам виноват! – рыкнул Арно. – На такого, как ты, сморчка просто так не набросятся.

– А ты что, решил новые законы как старые завести?.. Не убей?.. А я буду убивать! Буду! Вот...

Владимир выхватил пистолет, но рядом сидящий ходок, меланхоличный с виду Тойво, навалился на него всем телом и отобрал оружие.

– Дай ему еще и по морде, – посоветовал Арно и подмигнул Тойво.

Тойво неприязненно посмотрел на Арно из-под густых рыжеватых бровей и демонстративно отвернулся.

– Всё, друзья! Инцидент исчерпан, – зычно провозгласил Радич и подал сигнал визирю. –
Начинай, дорогой. Как договорились.

В мешке

– Ты г-говоришь, пьянство, мол... Ага! Ты не г-говоришь... Так вот, я г-говорю... Пьянство – эт-то маразм, это леность мысли, которая имеет... т-так-кие к-куцые к-крылья... крылыш-ик-и... что её полёт... это мысли полёт, я имею... ик-к!

Дон Севильяк икнул и повёл громадным кулаком перед своим носом туда-сюда. От его движения язычок пламени свечи вздрогнул, по подземелью заметались тени.

– Её полёт... Она полететь-то полетит... она может, но только до пос-судины с вином... Долетит, глотнёт и... ик-к!.. бульк!.. с г-головой и... не летит уже ник-куда. И он... этот паршивец знае-ет... соображает, что к чему. Воды нет... Только вино даёт... Ах!

Дон Севильяк, упираясь ладонями в стену со спины, долго поднимал своё непослушное тело. Встал, качнулся, чихнул.

– Но ничего у него не выйдет!.. Сегодня же начнём подкоп... А что?.. Землю?.. Да, куда землю девать?.. Будем есть? Как черви... И всё превратим в гумус... Чем долбить, чем долбить... Тобой, дурья твоя голова... Вином размочим, зубами разгрызём... Послал мне бог олухов... Ну, уж выберусь я отсюда! Передавлю руками... Как выйду!.. Не-ет! Они не дождаться, чтобы я... Я... А ну! Встань на четвереньки... Зад приподними!.. Вот. Я попробую до потолка дотянуться, проверю... Сколько, сколько... Сто сорок килограммов, ну и что?.. Не раздавлю... И так тоже дух испустишь... Держись, я упрусь... Держи-и-и!.. А, дьявольщина!.. Жив?.. Ну, ну... Давай я тебя подниму... Полежи вот так, придёшь в себя... Всё!.. Не всё, приятели, не всё, – дон Севильяк перешёл на шёпот. – Они не сидят, сложа руки... ищут меня... а тут это вино... вино... вино... Проклятый Радич!..

Сол

И вот, наконец, Сол – дремучий, с низким лбом, один из прародителей древних шумеров или хеттов, а может быть, и прапра... тех и других вместе взятых.

Сидел он на взгорке, ел мелкие яблоки, наотмашь отбрасывал огрызки за спину и каждый раз при этом взрыкивал подобно водопроводному крану на кухне.

– Подойди к нему, но будь осторожен. У него ум связан с руками. Вздумает ударить, и ударит... А я не пойду. – Сопровождающий Ивана Толкачёва ходок, предоставленный школой ходоков, неулыбчивый человек неопределенного возраста, прикрытый массивным на вид тюрбаном от жары, покачал головой, – Посижу здесь. Если вздремну, разбуди...

Ходоки школы, куда привёл Ивана Раптарикунта, в основу своего культа ходьбы во времени ставили только прошлое. Ибо лишь в прошлом, по их мнению, находились истоки бытия, а в настоящем, тем более в будущем, не было ничего примечательного, чтобы думать о нём: там жили эпигоны, для которых освоение дороги времени не могло представляться ни чем-то необыкновенным, ни просто трудным делом.

Все иерархи ходоков проживали в былые времена, за пределами доступности, устанавливаемой не способностями отдельных людей погружаться в прошлое, а строго в определённых пределах. Они имели право ходить в глубь минувшего не свыше чем на два-три тысячелетия. Появление кого-либо из будущего, не ведающего законов и с амбициями, считалось терпимым злом, но не более того. Поэтому Ивана, проводя к Солу, передавали из рук в руки, от одного ходока другому по цепочке. Кто он такой, никого не интересовало. Впрочем, может быть, кому-то и было интересно узнать что-то о нём, но он этого не заметил. Все они, как правило, отличались молчаливостью и крайней сдержанностью.

О том, что когда-нибудь после них появится легенда, связанная с именем КЕРГЕШЕТА, они не ведали, но чттили какого-то Нардана – первого, кто якобы опробовал поле ходьбы, став на дорогу времени. Нардан при жизни выделялся строгостью и нетерпимостью к вольностям со временем, и иногда, появляясь среди ходоков поздних поколений, строго смотрит, правильно ли они ведут себя, проникая во время...

– Ладно! – Иван вздохнул полной грудью ароматный воздух, сбил со щеки комара и решительно направился к Солу, не обратившего на внезапно появившихся перед ним людей никакого внимания.

Толкачёв настроился на мгновенную реакцию в ответ на непредвиденные или угрожающие ему действия Сола. Он его не боялся, конечно, надеясь на свою сноровку и тренированность. Но кто его знает, как этот далёкий предок поведёт себя при контакте. Ивану столько наговорили о Соле, о его чудачествах и проделках, что он вынужден был придти к выводу: перед ним либо гений, либо идиот; но то, что Сол был незаурядной личностью, было бесспорным.

Памятуя обо всём этом, Иван подходил к нему со смешанным чувством любопытства и недоверчивости.

Сол как будто бы увидел Ивана или показал, что увидел, лишь за три-четыре шага до него. Взгляд его больших голубых глаз был чист, диковат и странен одновременно. Он не удивился, не изменил позы – ноги вразлёт и в упор пятками в откос возвышенности, – не перестал есть яблоки, доставаемые из-за спины, куда он бросал и отходы, но левая рука, отбрасывающая огрызки, привычно прикрыла отполированную рукоять увесистой дубинки, лежащей рядом с ним. Вены на руке вздулись ветвистой синевой.

Иван остановился. Надо что-то говорить, а то... – лихорадочно думал он, позабыв, что собирался сказать Солу в первую очередь, используя подсказку ходоков школы.

– Приветствую тебя, Сол!

Сол не ответил. Мало того, какой-либо интерес в его глазах пропал. Правда, он оставил в покое яблоки, но зато сунул в рот что-то другое. На его подбородок изо рта потекла коричневая жижа. Он смотрел и не видел Толкачёва. А тот с тоской думал о бездне, разделяющей его и представителя давнего, для разума неправдоподобного, поколения людей.

Чем он сейчас занимается? Знать бы!

Жаркое солнце щедро освещало и обогревало богатый край. Пенились купы буйной зелени, в воздухе и под ногами, в траве, – везде резвилась живность. Стрекотали кузнечики, пели птицы. Аромат трав, листвы, стволов и цветов пьянил и расслаблял.

А Сол тем временем всё так же сидел на пригорке и с отсутствующим видом механически жевал.

Присмотревшись, Иван в возвышении опознал гигантский муравейник, занимающий несколько квадратных метров по площади. Муравьи-страшилища со скрепку величиной уже с любопытством сновали у его ног, а некоторые не безуспешно пробовали своими острыми жвалами крепость его сапог.

Толкачёв, топая и шоркая ногами по высокой траве, чтобы сбить насекомых, вернулся к проводнику, в позе зрителя наблюдавшего за его действиями.

– Он что-то странное жуёт и сидит прямо на муравейнике. На приветствия не отвечает. Да и смотреть на меня не хочет. Сидит болваном.

Ходок с пониманием выслушал жалобы Ивана, кивая тяжёлым тюрбаном. Пояснил:

– Он бель-тэ жуёт. Бель-тэ развивает ум и усыпляет муравьёв. Так многие лечатся, если болит спина или кости.

Они повернули головы к Солу и помолчали. Иван не знал, что делать дальше, словно упёрся в пыльный тупик.

– Что же теперь? – спросил у сопровождающего.

– Ждать надо. Он дожуёт и тогда, может быть, пойдёт куда-нибудь. А ты проследишь за ним, пока он не выведет тебя к своему мешку. Он далеко в прошлое ходит.

– К дьяволу наркоманов и пьяниц! – в сердцах по-русски высказался Иван, не обращая внимания как отреагировал ходок на его восклицание – тот не понял слов человека из будущего и недоумённо смотрел на него.

У Ивана было своё мнение о высказанном.

Будучи прорабом, он намучился с любителями и беленького, и красненького, искушавших слабых волей, обиженных и тех, кому некуда было девать время. На работе он с ними расправлялся всеми доступными ему методами: снижал тарифный разряд, дабы наказать рублём, вёл душещипательные беседы с родителями молодых рабочих, выставлял на общее позорище, добивался увольнения, в конце концов, тех, кому все предпринимаемые меры не шли впрок.

Но Сола не уволишь, не накажешь, не перевоспитаешь.

«И мешок свой, наверное, – неприязненно подумал Иван, – строить надумал, нажевавшись проклятого бель-тэ или ещё чего-то, известного только нынешним людям».

– Он встаёт, – предупредил ходок школы.

Сол встал – приземистый, коротконогий, широкий, сильный, как крепко сжатый для удара кулак. По-волчьи поворачивая головой, сонным взором окинул окрестность и медленно сошёл с муравейника. Круша травостой, двинулся к недалекой проплешине озёра или болотца, но, пройдя в перевалку всего несколько шагов, стал на дорогу времени.

Иван лишь успел на прощание махнуть рукой представителю школы ходоков и кинулся вдогонку за Солом.

Проницаемость у Сола была так себе, ниже средней, хотя он и был, по всем признакам, ренком. Он, тяжело и медленно ступая и, как будто, идя напролом, с треском вспарывал невидимую ткань времени, оставляя за собой крошево из часов, дней, лет и веков.

Горы недоступности ещё придвинулись к Ивану на четыре без малого тысячелетия, когда Сол вдруг остановился и, неторопливо потоптавшись на месте и обстоятельно осмотревшись, повернул к будущему.

«Бель-тэ нажрался, а соображает, – отметил Иван. – Петляет и след сбивает. Мастак!»

Теперь Солу, по-видимому, шлось значительно легче. Или кончился дурман от бель-тэ, или ему возвращаться из прошлого в своё настоящее было проще. Во всяком случае, темп движения убыстрился, а под конец даже случилась лёгкая пробежка – Сол перекаати-полем бежал на коротких толстых ногах к только ведомой ему точке зоха.

Проявление в реальный мир было не из приятных. В каком-то предгорье. Шёл проливной дождь, зашторивший перспективу. Солу, судя по всему, такая встреча не понравилось: он поднял руки к небу и стал что-то кричать тучам, пронсящимся прямо над его головой. Это была ругань, сводившаяся к перечислению уничижительных эпитетов. Затем он несколько раз становился на колени и грозил неведомо кому кулаками, и опять посылал проклятия тучам.

Дождь только усилился. И вскоре выкрикиваемые им слова стали увязать в сплошном потоке. Рядом с ним, и в пяти шагах, уже нельзя было понять, что он кричит – грозит или умоляет.

Иван, стоя под дождём, наблюдал за Солом. Он промок и проклинал бессмысленные, с его точки зрения, действия наблюдаемого. Стал подумывать даже оставить Сола наедине с дождём и тучами, а самому побыть на дороге времени, избавленной от атмосферных неприятностей.

Но тут Сол стал вытворять вообще непонятные вещи. Если до этого как-то ещё можно было объяснить его поведение, то теперь Иван совершенно был сбит с толку.

Ни с того ни с сего Сол наугад сделал несколько переходов, то, становясь на дорогу времени, то, проявляясь в реальном мире далеко от предыдущего места. При этом производил бесчисленное множество непредсказуемых действий в обоих состояниях.

Поле времени Толкачёва покрылось точками недоступности, зато стало заметно, что Сол ходит вокруг да около одного участка пространства и одного момента времени.

Совершая переходы, делая неожиданные побежки в одном и другом состоянии, Иван не только согрелся, но и вспотел.

«Греется он, что ли? – созрела у него мысль. – Если да, то уж очень странным образом».

Вот ещё одно проявление – склон невысокого холма, пробежка с юлением через чахлый кустарник и...

Мощное, явно искусственное строение открылось взору Ивана. Это была пирамидальная башня, собранная уступами из крупных каменных блоков.

Сооружение возводили какие-то жалкие и забитые люди, над которыми стояли другие люди с палками.

Иван содрогнулся от наблюдаемой картины.

Время осиливало только семидесятое тысячелетие до нашей эры...

Перль?

– Глупейшее создалось положение, – вздохнул Сарый и выпил янтарную каплю чая оставшегося в чашке. – И, главное, мы с тобой оказались почти в роли пассивных зрителей. Впрочем, я всегда был таким и, по сути дела, прятался за твоей спиной. Или убегал в Фиман.

Симон полу обнял Сарыя одной рукой за плечи.

– О Камен. Ты у нас Учитель, в том числе и КЕРГИШЕТА.

Сарый отмахнулся.

– Оставь... Что его учить? За полгода... всего за шесть месяцев, ты только представь себе, он осилил то, к чему я шёл всю жизнь... Всё-таки, Симон, нам повезло, что КЕРГИШЕТОМ оказался именно Ваня. Иначе, кто знает, на чьей стороне был бы он.

– Нет и нет, Камен. Всё, что мы знаем о КЕРГИШЕТЕ, отрицает твои опасения. Да и какие у него могут быть стороны? Он человек этого мира.

– Скажу честно. Вначале, когда я с ним начал заниматься, мне показалось, ошиблись мы с тобой. Я говорил одно, он делал другое. Хорошо, что не спорил, а то бы...

– У Вани много наносного, показного, но мы-то теперь представляем его прекрасно и знаем, что за всем этим скрывается. И молод он ещё. Ах, Камен, как он молод!

– Нам повезло.

– Да, дорогой... Но... Мне Маркос высказал предположение о возможности у Вани другого будущего, не нашего. Что-то есть неясное у Вани в будущем...

– Перль?! – вскинулся Сарый.

– Успокойся, какой он перль? Это мы с тобой... – Симон вздохнул.

– Да, конечно же. Меня поразило предположение.

– Это точно.

– Ну что ж. Интересно, Ваня-то догадывается или нет?

Симон не поддержал больше разговора о Толкачёве. Он уже думал о другом. Камен уловил перемену по тому, как Симон снял с его плеча руку и шагнул к окну, словно засмотрелся из него на панораму города.

– Вот что, Камен, – наконец, сказал Симон после продолжительной паузы. В течение этого молчания за окном просигналила и уехала машина, послышался и затих детский плач в доме, простучали шаги по лестнице, ударила входная дверь дома, Сарый наполнил чайник свежей водой, готовя кипяток для чая. – Ванина квартира – плохое для нас укрытие. Но сюда вернётся он сам, сюда же может прийти и дон Севильяк. А тебе во времени сейчас вообще не следует ходить. Ты слышишь, Камен? Радич натравил на нас своих ищеек. Вот же неймётся ему! Возомнил себя невесть кем. А жаль.

Сарый в знак того, что слышит, поджав губы, несколько раз тряхнул головой, а Симон продолжал:

– Поэтому будь здесь безвыходно. А я уйду... Ты помнишь Камни Забвения?.. Вот-вот. Они просуществовали почти пятнадцать лет. Этого нам достаточно, чтобы найти там приют.

– На них долго не высидишь. Жарковато там. Камень голый, да и газы. Не продохнуть.

– Потерпим. Не до комфорта. Попробуем обжить... Как только объявится Ваня, уходите с ним туда же. Ваню попроси походить и здесь и там во времени. Пусть посмотрит, не напал ли кто на наш след.

– А дон Севильяк?

– Я сейчас подумал – он сюда не придёт. Я же, Камен, поищу оставшихся ходоков, даже тех, кто давно не приходил на наши встречи. Особенно поищу Молье, Сартука и Дердецкого... Ты давно Дердецкого видел?

– Давно. Он мне не понравился. Мешки под глазами. Голос хриплый... Зачем они тебе?

– Пора против Радича бороться его же средствами: объединиться, выработать программу действия...

– Война ходоков?

– Какая там война. Очередная драчка... Смотри веселее, дорогой. Привет Ване!

Симон проворной походкой вышел из квартиры, огляделся на лестничной площадке и стал на дорогу времени, искусно обходя многочисленные точки недоступности – проруби и тонкости льда, – густо покрывшие его пространственно-временное поле у дома Толкачёва.

Хозяева жизни (продолжение)

Радич непритворно покачиваясь от выпитого вина, в пёстром халате и в неизменной дорогой, в алмазах и других драгоценных камнях, чалме правоверного мусульманина, не склоняя головы перед низким входом, ступил на порог подземелья. Пахнуло сыростью и зловонием, накопившимся за столетия. Подрагивая крыльями носа, Радич передохнул, привыкая к воздуху, и в окружении живописной группы единомышленников, подсвечивающих темноту электрическими фонарями, не без робости стал спускаться вниз по осклизлым древним ступеням.

Шорох десятков ног наполнил пространство ухающими звуками и шелестом, скрадывающими голоса идущих, хотя разговаривали они довольно громко и экспансивно.

– Господин, нельзя его отпускать! – плачущим голосом отчаянно пытался докричаться Владимир, отталкивая неповоротливого Эдуарда, оказавшегося у него на дороге к Радичу.

Эдуард не уступал. Между ними произошла короткая потасовка. Владимир упал, прокатился по ступеням, но зато оказался перед Радичем. Он возражал против освобождения дон Севиляка, пытался прямо на пальцах отсчитывать причины, по которым, как ему казалось, не следовало этого делать,

– Он же троих стоит. Второй раз нам с ним не справиться. Он кого-нибудь из нас покалечит или убьёт.

– Например, тебя, – глумливо гоготнул Арно, пьяный, разомлевший и довольный своим высказыванием. – Ноги повыдергает! А?

– Я не только о себе, – не унимался Владимир, потирая ушибленные при падении места. – Разве можно выпускать на волю зверя?.. Как хотите, – выкрикнул он, – а я за себя не ручаюсь! Пристрелю и всё!

– Ах ты, мразь! Попробуй только! – Арно осветил фонарём мелкие, искаженные злобой черты лица Владимира. – Я тогда тебя как муху прихлопну!.. Ну, Джо. компанию ты набрал...

– Не твоя забота! – капризно отозвался Радич, наполненный собственным величием, властью и предстоящим разговором с доном Севиляком.

Разговор казался ему не трудным, скорее забавным – игра в кошки-мышки: он ловит, а дон Севиляк неумело прячется.

Вначале – продумывал программу предстоящего свидания Радич – он вдосталь наговориться с чудаковатым доном, который никогда не был Севиляком, и тем более, доном. А соединил, по своему невежеству, в нелепом сочетании титул испанских грандов и французское имя. Насмотрелся, наверное, в детстве пошлых фильмов, чтобы выделиться из толпы таких же, как и он, мальчишек, бедствующих в трущобах то ли Стамбула, вольготно раскинувшегося на кончиках двух непохожих континентов и вобравшего в себя эту непохожесть, то ли Афин...

Впрочем, кто он такой и откуда появился в этом мире, никто определённо не знал. Да и надо ли знать?

Потом он, Радич, сделав широкий жест расположения и благородства, отпустит из мешка Сола этого забавного полутурка-полугрека... Или араба? А, отпустив, тем самым заставит навести его на след Симона и нового ренка.

О новом ренке Радич думал с раздражением, с каждым днём всё большим. Как будто появление того отняло у него нечто важное и заключало в себе ещё не осознанный Радичем до конца вызов. Вызов всему тому, что он делал, чем и как жил. Да и в облике новичка сквозила странная независимость. Затаились непредсказуемые поступки, такие как у Арно.

Подумав об Арно, Радич невольно покосился на него снизу вверх. Красив... И тот, новый ренк. такой же. Как они похожи. И рост, и внеш-ний облик... Возможно, не случайно.

Вдруг неслучайно?!

Радич даже приостановился, поражённый этой мыслью. Испугался её.

– Чего стоим? – спросил кто-то сзади.

– А... Да, – отозвался Радич и снова стал спускаться вниз, но без недавнего удовольствия от предстоящего показательного акта освобождения донa Севильяка.

Наконец ступени кончились.

Глубоко под землю ушёл мешок Сола со дня своего создания.

В тесном сводчатом помещении от недостатка кислорода тускло коптил факел. Он едва освещал тяжёлую металлическую дверь, устро-енную в противоположной от спуска лестницы стене, и полдюжины вооружённых людей, охранявших круглосуточно эту дверь по приказу эмира. Охрана была выставлена, несмотря на то, что дверь была хорошо пригнана к каменным блокам и закрыта на мощные запоры.

– Гнасис, убери их! – распорядился Радич, имея в виду стражу.

– Ур-ур! – бросился исполнять приказание Гнасис, выталкивая стражников взашей.

– Прекрасно, брат, – снисходительно похлопал его по плечу госпо-дин. – Ты их хорошо выдрессировал. Хвалю! А теперь давай сюда... – Радич торжественно помедлил, – донa Севильяка.

– Но, господин...

– Если ты не понял, то повторяю. Пригласи сюда донa Севильяка. Мы будем с ним иметь беседу.

Гнасис замаялся, жалобно посмотрел на ходоков, но те не замечали его беспокойства: ждали окончания инцидента.

– Он трусит, Джо. Пошли Владимира.

– Господин! Арно хочет лишить тебя самого верного сподвижника. Севильяк меня убьёт. Или я его... Я боюсь... – Владимир припал к ногам Радича.

Джозеф оттолкнул его загнутым носком усыпанного драгоценными камнями башмака.

– До чего мне всё это опротивело, скажу вам откровенно. Эта ваша постоянная грызня. Чего вам не хватает?... Перестаньте! Поистине, связался с подонками... А ты, значит, не боишься? Так иди и приведи его.

– Я-то приведу, – глухим голосом пообещал Арно, – но ты отбери оружие у этого «сподвижника».

– Владимир! – рявкнул Радич, не на шутку выведенный из терпения. – Пистолет!

– Не отдам! – огрызнулся Владимир и отполз к стене. – Ой!.. Сволочи!

Гнасис и Эдуард заломили ему за спину руки, а Тойво проверил карманы.

– Во! Целых три!

Арно мрачно засмеялся.

– Ну, всё! Давай, открывай двери!.. – позвал Радич Гнасиса, запыхавшегося от возни с Владимиром. – А ты, – обернулся он к Арно, – коль вызвался, так иди за ним.

Сол и его мешок

Появление Сола в пределах видимости работающих людей было для них подобно току, колыхнувшему их массу, – они побросали работу, и все без исключения пали ниц.

Толкачёв наблюдал развернувшуюся перед ним сцену из-за кустов, потрясённый увиденным и до конца ещё не осознавший происходящего перед ним. Всё это было так неправдоподобно для такого далёкого прошлого. Но, поставив себя на место этих людей, он постепенно проникался, помимо своей воли, их чувствами и страхами, так что вскоре уже с неподдельным волнением наблюдал за представлением, устроенным Солом.

А тот творил чудеса.

С точки зрения обычного человека, самые настоящие чудеса.

Чудеса, которые могли породить веру в богов или их антиподов.

Он будто бы стал выше и значительнее, совершенно изменил походку – на медленную и тягуче плавную, руки его делали пассы фокусника, а сам он время от времени таял на глазах поражённых зрителей, приотстаивая от реального времени, и вновь проявляясь уже в другой позе и с новым выражением не такого уж бессмысленного, как вначале показалось Ивану, лица.

– Ну, мастак! – как спасительное заклинание твердил Иван слово, услышанное в детстве от своего первого тренера по самбо, который про-износил его с различной интонацией и каждый раз по-разному, если его ученики делали нечто виртуозное и сложное, но не обязательное и не ну-жное. – Мастак!

Производя описанные манипуляции телом, руками и мимикой лица, поочередно проявляясь и становясь на дорогу времени, Сол словно вознёсся на пирамиду и замер на её недостроенной вершине в окружении коленопреклонённых, ошалевших от страха и раболепия людей. Руки его были подняты вверх.

Через минуту спектакль закончился: Сол растаял в реальном мире.

Толкачёв бросился по дороге времени за ним, но Сол так откровенно направлялся в будущее, в своё время, что Иван, пройдя с ним полдороги, вернулся назад, к пирамиде. К мешку Сола, который более семидесяти двух тысяч лет будет наводить тихий ужас на ходоков во времени многих и многих поколений, порождая легенды, мифы и, как следствие, страх перед возможностью попасть в него.

Страх был естественен, поскольку, если в этот мешок каким-либо образом попадал ходонок, то, имея ограниченный диапазон погружения во времени, он уже никогда не мог вернуться к людям, а оставался в этой западне до конца своей жизни.

Только КЕРГЕШЕТУ было подвластно «поднырнуть» из глубины прошлого в любое время, ограниченное пространством мешка Сола.

С заходом солнца работы на пирамиде закончились. Работники унылой цепочкой сошли вниз и скрылись в зарослях невысоких деревьев или кустарников – невядалеке стояли их хижины, где они, по-видимому, жили. Там давно уже готовили пищу – это по запаху определил Толкачёв: обоняние обострилось от чувства одолевающего его голода. В школе ходоков угостили не сытно – сыр, молоко, а ему бы мяса и хлеба. И – как можно больше. Уходя к Шлому, он не позаботился взять с собой съестное, надеясь в скором времени вернуться домой, но его своеобразная командировка в прошлое затянулась больше, чем предполагалось.

Особо не скрываясь, но и не выдавая себя, Иван, где на ощупь, где в неровном свете разведенных невядалеке костров, осторожно осмотрел сооружение, создаваемое по воле Сола.

Мешок представлял собой грубо собранную пирамиду из крупных каменных блоков. Одна сторона пирамиды упиралась в холм, так что внешнее основание её было круто скошено.

Камень быстро покрывался влагой от рано павшей росы; Иван ощутил озноб от прикосновения к нему, пока взбирался не без труда наверх пирамиды.

На вершине, ещё не заделанной – один-два ряда блоков, – тёмным провалом зияло отверстие, уходившее в недра пирамиды. Иван бросил в него камушек и скоро услышал звук его падения – метров десять, решил он. С помощью других камушков, брошенных вниз и в стороны, он установил, что внутреннее основание мешка Сола расположено горизонтально, несмотря на общую скошеность подножия пирамиды.

Толкачёв посидел на холодных камнях, свесив ноги в смутный в ночи зев недостроенной пирамиды, беспокойно обдумывая свои последующие действия.

Думал он и об ином.

Он думал.

Учился в школе, служил, окончил институт, работал – и всё это с людьми, на людях, для людей. Во всяком случае, так казалось, или считалось, или думалось, или было на самом деле. И не только он, но так делали и думали другие. По-разному, конечно. Кто со скрипом, кто со стенаниями, кто притворно, кто со смехом и шутками, кто всерьёз.

Но все люди, которых знал и с которыми встречался по жизни Иван, были, в принципе, добрыми, отзывчивыми и порядочными, и все вместе выступали единомышленниками и участвовали в одном общем деле на собственное благо, в том числе и его, Толкачёва, его друзей, знакомых и, в конечном счёте, страны в целом.

Другое, негативное, было где-то вне его и его окружения, а там, за рассказами переживших войну и страданиями людей, а чаще за газетной строкой, за теле новостями, за тридевять земель...

И вдруг в его жизни появились ходоки со своими сложными взаимоотношениями и бедами, отчуждённостью и сектантством, с тем, что они несут другим людям, а вернее, что обиднее всего, – ничего не несут. Его словно выдернули из тихой смеющейся солнцем и негой гавани и бросили в крутые холодные волны новых для него понятий, взглядов и отношений между людьми. И эти отношения ему не понравились, более того, он ужаснулся им. И ещё не постигнув их до конца, тем не менее, волей случая окунулся в самый водоворот событий, охвативших тысячелетия и всю Землю, оказавшись в качестве одного из активных участников.

И вместе с тем, все эти события, с его точки зрения, были мелкими, даже мелочными, в стороне от всечеловеческих проблем и чаяний, замешанными на безграмотности, своенравии и озлобленности. Ходоки представлялись Толкачёву малыми, запутавшимися в своих незрелых представлениях детьми, не ведающими, что делать, как выкарабкаться из всего того, что они сами себе уготовили политикой изоляции от человечества.

Напрашивались выводы, однако Иван их ещё не мог сформулировать.

Так что было о чём думать и переживать ему под изменённой до неузнаваемости картиной звёздного неба далёкого прошлого нашей планеты.

Хозяева жизни (продолжение)

– Вот мы и встретились, – сказал торжественно Радич, когда, пригнув голову, из открытой двери шагнул нетвёрдой походкой дон Севильяк, ведомый под руку Арно.

Был дон Севильяк грязен и оборван, оттого казался ещё более огромным и могучим.

– Он пьян, – сказал Арно, оставляя верта самого сохранять равновесие, и брезгливо вытирая платком руки.

– Тем лучше, – отметил Радич. – И нам спокойнее, и глупостей он успеет наделать, пока протрезвеет... Дорогой дон Севильяк...

– И-ик!

Ходоки рассмеялись, напряжение встречи начало спадать.

И то. Ожидали рычаний гиганта, драки и других неприятностей. А тут свой человек: пьян, как и они, расслаблен и, по всему, без намерения бить кому бы то по физиономиям.

– Прекрасно, – переждав смех, сказал Радич, успокаиваясь вместе со всеми. – Мне жаль, что наша беседа не получается, но это не мешает мне объявить тебе о твоей свободе.

– С-своб-бode?

– Да, ты свободен! – Радич легко махнул кистью руки от себя, что должно было подчеркнуть его бесконечную щедрость и одновременно пренебрежение. – Можешь идти, куда тебе угодно. – И не удержался, подсказал: – К своим друзьям, к Симону. Я верю, они ждут тебя.

Дон Севильяк начинал прямо на глазах трезветь. Он подозрительно оглядел приверженцев Радича.

– Господин, не отпускай его! – некстати вмешался Владимир.

– Кто ещё так думает? – заколебался вдруг Радич, тоже трезвея от слов Владимира и с тревогой переглядываясь с ходоками.

Арно, криво усмехаясь, перегнулся и заглянул в мерцающие глаза Радича. Хмыкнул.

– Труса празднуешь, Джо? Сказал – так выполняй. Чего тебе бояться? С твоим диапазоном и подвижностью во времени? Надо будет, убежишь от любого. А мы тебе будем ни к чему.

– Помолчи, Арно! – передразнил: – К чему, ни к чему... В конце концов, у нас демократия. Надо знать мнение всего братства. Правильно я говорю, братья?

Братья промолчали.

– А раз так, – тем не менее, решительно выдохнул Радич, – то пусть любезный дон Севильяк идёт на все четыре стороны и по дороге времени, и в реальном времени. Ты слышал, дон Севильяк?

Дон Севильяк держался на ногах неустойчиво, но, несмотря на головную боль, всё-таки был не настолько пьян, как того хотелось бы Радичу и другим.

Его относительная трезвость объяснялась тем, что в последний раз принесли для питья не только вино, но и воду, то ли по недосмотру, то ли это тайно сделал кто-то из ходоков. Это и занимало дону Севильяка в минуты просветления, когда утихал болезненный алкогольный шум в голове, и удавалось шире открыть слипавшиеся глаза.

Перепалка ходоков утвердила приходящего в себя дону Севильяка во мнении, что братство, сколоченное Радичем, явно страдало изъязном. Следовало это учесть и донести подозрения до Симона, а для этого воспользоваться предоставляемой возможностью покинуть мешок Сола, но так, чтобы противная сторона не передумала. Да и уходить следовало таким образом, будто делает он это без трезвого соображения, ибо его проницаемость при движении во времени уступала многим из них.

– Да, я слыш-шал-л, – пьяно ответил он и вскинул падающую на грудь голову.

– Вот и катись, если слышал.

– А-а... Уж не-ет... А похмелиться?

Ходоки снова посмеялись. Арно похлопал дону Севильяка по плечу.

– А ты того, старина, спился потихонечку, а?

– Угу... Ладно, я пш-шёл, – сказал примирительно недавний узник мешка Сола и стал на дорогу времени.

– Тойво, Эдуард и... ты, Арно, не спускайте с него глаз, – распорядился Радич, проводив взглядом тускнеющий силуэт дону Севильяка.

На острове Забвения

Симон с присущей ему внимательностью, не перебивая и не задавая каких-либо преждевременных вопросов, выслушал несколько сбивчивый рассказ Ивана. Меланхолично потёр колени вздрагивающими руками. Иван закончил описание своих приключений и расслабился, усаживаясь удобнее на камне, подогретом внутренним теплом Земли.

– Хорошо, Ваня, – вздохнул Симон, с участием глядя на усталое, заросшее щетиной лицо КЕРГИШЕТА. – Ты и вправду сделал всё хорошо... Фантастически хорошо. Хотя, честно скажу, у меня была всё-таки слабая, но надежда, что мешок Сола и он сам, будь он неладен, – легенда не более того... – Он несколько оживился. – Какой дьявольской выдумки был этот Сол. Ты правильно заметил. Поистине гений... или кретин... Но задумал и осуществил! И это за столько лет до нас, до исторического времени... Мне, признаюсь, хотя я в мешок Сола верил не очень, казалось, более позднее его появление, скажем, в пятом или шестом тысячелетии до нашей эры, в тёмные для ходоков годы... Давно, значит, действует мешок. Но тогда напрашивается вывод...

– В мешке есть вход и выход в сравнительно недавнем прошлом, – вставил Иван. – Хотя я думаю, мне надо будет по нему пройти и посмотреть. От начала до конца. Вдруг кого-то надо будет освободить из него.

– Посмотри, если есть желание. Но ты прав, Ваня, в том, что там есть вход, сделанный недавно, а то и всегда существовавший, – прищурился левый глаз, согласился Симон. – Иначе в наше время из него не попасть никому. Кроме тебя, естественно.

– Надо искать. Я там ничего подобного не видел.

– Надо-то надо, но погоди. Вначале я там сам схожу, посмотрю. Думаю, дон Севильяк простит нам эту осторожность и новую задержку в его освобождении.

– Вот тут-то как раз... у меня не всё. – Иван повёл глазами по островку. – Я видел дона Севильяка.

Симон вздрогнул.

– Почему сразу не сказал? Где видел?

– Сейчас он спит у себя дома. Он пьян. Так что вначале рассказал о мешке Сола.

– Давай, Ваня, опять всё по порядку.

– Хорошо, – Иван поменял позу: сидеть на камне было неудобно. – Я уже возвращался по временному следу, оставленному мешком Сола, и нечаянно, примерно в середине пятнадцатого века, увидел в поле ходьбы дона Севильяка. Я редко вижу ходоков в поле ходьбы, да и то когда иду с ними рука об руку, как, например, с Сарыем или с тобой. Но я никогда ещё никого из ходоков на дороге времени просто так не встречал. А тут... Очень удивился. Он тоже шёл, лучше сказать, брёл по направлению в будущее. Видок у него, скажу прямо, ниже среднего. И пьян он. За ним следили. Одного я видел.

– Как выглядит?

– Рыжий такой. Подбородок длинный и вперёд выдается.

– Это Тойво. Я его хорошо знаю. Странно, что его-то прельстило связаться с Радичем? У него проблемы со здоровьем, а они там себе в вине не отказывают...

– А вы, я имею в виду и тебя, разве не пьёте вина?

– Ваня, не лови на слове. Я и другие пью, конечно. Но, – Симон поднял указательный палец, – в меру... Ты на Камена не наговаривай. Слышал я, что он, якобы, к тебе как-то появился в непотребном виде. Было?

– Ну... – засмутился Иван.

Ему не хотелось что-то неприятное говорить об Учителе.

– Запомни, Ваня. Камен вообще не пьёт, а то, что ты видел... Это, Ваня... Не будем об этом... С тобой говорить тяжело... Давай-ка, вернёмся к Тойво.

– К Тойво так к Тойво, – легко согласился Иван.

– Я вот хочу понять логику его поведения. Он человек вообще-то тихий. И у него любовь к дереву. В том смысле, что он прекрасно режет по дереву. В прошлое ходит за ливанским кедром... – Симон провёл ладонью по щеке. – Вообще, группа Радича, по логике вещей, не должна была состояться. Чем же он их всех подкупил? Неужели только безнаказанность объединяет их? Вот, Ваня, ты, как сейчас говорят, человек новой формации, с высшим образованием и политически грамотный, – неожиданно высказался Симон и с прищуром стрелка посмотрел на Толкачёва. – Как ты думаешь, что их могло сплотить? Ради чего они объединились?

Иван передернул плечами.

– Я же их совершенно не знаю, так что трудно что-либо предположить. Впрочем, я уже об этом думал. То есть думал не о них конкретно и не о том, что их могло связать, а о ходоках, о вашем, вернее, сектантстве...

– И что?

– А ничего! – почти в запальчивости выкрикнул Иван. – Вы с ними знакомы, и то в тупике. То ли одно, то ли другое, а там, поди, третье. Угадай, что движет человеком, у которого столько возможностей, а он проводит свою жизнь в компании позабывших об этих возможностях.

Симон улыбнулся своей летучей улыбкой.

– Потому-то я тебя и спрашиваю. Что, по твоему мнению, может объединить людей, если каждый из них имеет не только способности ходить во времени, что, в принципе, может послужить причиной консолидации, но у них разные вкусы, воспитание, национальность и сама способность проникать во время осуществляется на разную глубину? Мне интересно, что предложишь ты, а то я уже по кругу стал ходить, думая об этом.

– Идея, – неуверенно вымолвил Иван, все ещё не понимая толком, к чему клонит Симон, выясняя его мнение.

– Допустим. Но какая?

– Трудно сказать.

– Не любишь, Ваня, думать. Плохо. Учись думать...

– Почему это Вы так решили? – слегка опешил Иван, всегда считавший себя думающим человеком, не в пример другим.

– Ладно, не будем об этом... – примирительно сказал Симон. – Ты посиди тут, а я пойду посмотрю на него. – Заметив молчаливый вопрос Толкачёва, пояснил: – На дону Севильяка. Что там у него. Честно скажу, соскучился по нему.

Вернулся он нескоро. Толкачёв успел не один раз пересечь мало удобный для ходьбы островок от одного берега до другого, подумать над вопросом Симона, но так и не пришёл ни к какому более-менее удовлетворительному выводу.

– Мне удалось повидать его, – сказал, появившись, Симон. – Он точно пьян. За ним такого не замечалось.

– Как удалось? Его что, не стерегут?

– Стерегут. Как же. Да стража поменялась. – Симон опустил на камень и потер колени ладонями. – Сейчас при карауле Владимир, а он невнимателен. Нервный очень. Из него ненависть так и брызжет, что искры бенгальского огня.

– К кому?

– Ко всем... Такой уж он человек.

– А давайте украдём дону Севильяка, – предложил Иван, которому хотелось действовать, несмотря на усталость, иначе ему было не по себе от всех дел у ходоков, свалившихся на него как напасть. – Заодно и с Владимиром посчитаюсь. Подлец же?

– Да, – кивнул Симон. – Человек он неприятный и нехороший. А ведь родился и вырос в неплохой семье. Окончил университет. Да вот только искал всю жизнь лёгкой жизни. Бросил родителей и свою страну. Сбежал. Это ещё до того, как стал ходоком. Кстати, он твой соотечественник. А кажущаяся безнаказанность ходока во времени вообще совратила его. Мы неоднократно с ним говорили, предупреждали его, но у него, извини, Ваня, за выражение, сволочный характер. Жаден и невожатан. Завистлив. Вот таких людей, как он, точно надо бы сажать в мешок Сола на отсидку, до вразумления. Честное слово!

– Так в чём дело? Давайте посадим.

Симон устало отмахнулся.

– Не будем подражать Радичу. Мне кажется, сейчас наступила кульминационная точка во всех событиях. Сейчас и мы, и они ждём, когда проснётся дон Севильяк и начнёт что-то делать. Вот тут кто кого перехитрит. Перехитрить надо нам.

Иван встал, отряхнул джинсы, потянулся до хруста в костях. За неровностями каменных нагромождений маленького острова шумно билось море, временами перекрывая подземный гул, денно и ночно напоминающий о ненадёжности временной тверди, приютившей ходоков.

«Хитри, не хитри, – подумал он, – но загнали они нас на вулкан».

– Поэтому я и предлагаю украсть дона Севильяка, пока он спит, – решительно сказал Иван. – Раз сторожат его не слишком внимательно. Чуть опоздаем – и не сунуться будет. Поставят кого покрепче к нему, попроворнее. Арно, например. А потом и сам дон Севильяк может что-нибудь непредсказуемое выкинуть. Кровь у него горячая. Не мне Вам об этом напоминать.

– Это точно! – подтвердил Симон, но с сомнением покачал головой и поинтересовался: – Как ты себе представляешь похищение?

– Проще простого.

Иван хотел сделать несколько шагов, чтобы собраться с мыслями и развить перед Симон свой план похищения, но первозданный хаос недавно нарождённой земли этому не способствовал, ходоки споткнулись, едва не упав. Ему пришлось снова присесть на камень наискосок от Симона.

– В реальном времени подъезжаю на такси к какому-нибудь подъезду или проходному двору, – сказал он. – Машину оставляю ожидать, а сам, зайдя в подворотню, стану на дорогу времени и...

– Ну-ну, – поощрил Симон.

– Выношу дона Севильяка на руках, вернее, на своём горбу и сажаю в машину.

– А Владимир?

– Дам по... – Иван вскинул глаза на Симона. – В общем, справлюсь. Постараюсь на время выключить его, пока буду заниматься доном Севильяком.

– Пожалуй! – не сразу согласился с планом Толкачёва Симон. – Только ты не увлекайся. И будь осторожен, ведь они там все вооружены. Владимир тем более.

– Пустое! – дернул подбородком снизу вверх Толкачёв. – Против таких меня в десантных войсках учили... всякому... Я с детства самбо занимался, а в армии джиу-джитсу и каратэ. И рукопашный... И многое другое. Мне как сержанту лучше всех надо было уметь. И я умел. Так что я учён профессионально. А Владимир – щенок.

– Но-но, Ваня! – строго одёрнул Толкачёва Симон. – Это не так. Джиу-джитсу, каратэ – это хорошо. Да и Владимир, может быть, щенок, но именно для тебя очень опасен...

– Да видел я его...

– Не спорь, а выслушай. До этого ты в своей жизни встречал противников на ковре... пусть, на татами. И на учениях всяких. Даже в Афганистане... Ну и что? Там твоими противниками были нормальные люди...

– Были... Но и фанатики тоже были. Накурятся всякой пакости – и море им по колено.

– Даже фанатики. Мы не о них... Я к тому, что вся твоя уверенность в самом себе и своих возможностях пока что воспитана поддержкой этих людей, того общества, в котором ты вырос. В том числе, и знание противника. А Владимир успел вволю хлебнуть прелестей в зловонных рядах мафии, и выжил. Поверь, Ваня, там выжить сложнее, чем на фронте. Так вот, он выжил. Это много значит. Его способности ходить во времени тогда и открылись, от жажды наживы и неуязвимости. Ты, Ваня, добрая душа, хотя и пыжишься, разыгрываешь бывшего человека, а в нём по-настоящему кипит и клокочет злость ко всему и ко всем. Это его постоянное состояние, его, если хочешь, образ жизни. Ему наркотики ни к чему... Ты вот задумаешься, прежде чем человека ударить, а он думает, да и думает ли, лишь после того, как убьёт... Так что, Ваня, ты его бойся! Не сердцем, он этого не достоин, но разумом бойся... Я надеюсь, ты меня понял?

Иван вначале хотел отделаться шуткой:

– Ещё один Сол на нашу голову... – Но в словах и интонации Симона было много необычного, тёплого, тревожного, и он решил дальше мысль не развивать, сказав: – Поостерегусь.

– Вот и хорошо. Но я пойду с тобой и подожду вас в машине, чтобы отвезти дону Севильяка к тебе на квартиру. А ты... По обстановке. Ты не устал?

Иван почувствовал благодарность к словам Симона.

– А что, заметно?

– Заметно. Вон лицо посерело. И вялость у тебя появилась. Будто спишь на ходу.

– Да нет. Я отдохнул. Недавно выспался. Перед тем, как возвращаться от Сола. Просто ото сна не отошёл. А усталость... Внешне если только. Так это я морально устал, что ли, думая о нас, о ходоках. Да и твоя речь не успокоила.

– Верю. А я вот, Ваня, устал. И не только от дум.

– Поесть бы. Никогда не думал, что придётся сутками голодать. Не хочется и здесь, в близком времени, не снимая, таскать на себе рюкзак с едой.

– Не таскай. Если, конечно, хочешь голодать. Ладно, у меня здесь кое-что есть. Давай перекусим.

Похищение

Владимир уныло бродил вокруг дона Севильяка, иногда проявляясь в реальном времени, уверенный, что никто сейчас к дону Севильяку не придёт, пока тот не проснётся и не начнёт искать друзей. Ведь никто о его освобождении не знает.

Проявляясь, скучно слушал оглушительный храп, бесцельно бродил по неубранной и заброшенной квартире дона Севильяка, тыкая найденным на кухне ножом в стены, под обои, в шторы, в деревянные части окна, в двери, вымещая злость и слепую ярость на вещах.

Время с трудом покидало будущее и таяло прошлым со скоростью улитки, раздражая Владимира своей непонятностью и не подвластностью кому бы то ни было.

Историк по образованию, Владимир не мог не думать о времени, рассматривая его со всех точек зрения. И всегда доводил себя до бешенства от чувства бессилия перед ним.

Однажды, в редкие минуты прозрения, когда ни на кого не злился и никому не завидовал, он отказался от ходьбы во времени и ото всех дел и засел за книги, чтобы хоть чуть прояснить для себя феномен времени. Но впустую! А когда он делал попытки обратиться с вопросами к знакомым ходокам, те поднимали его на смех. Не из-за того, что их самих вопрос времени не волновал и не интересовал. Нет! А потому, что они в нём самом не видели того человека, которого могут озадачивать подобные абстрактные понятия.

Для них он был бродягой во времени, и не ходок даже, а отщепенец и, более откровенно, дерьмо. Ему они, конечно, об этом прямо не говорили. Но он-то сам видел по их глазам, по их неосторожным усмешкам, что они думают и говорят за его спиной именно так. Это бесило его до судорог. Порой у него от этого отказывали ноги, перекашивало лицо.

За это он ненавидел.

Всех!

В том числе и Джозефа Радича – за его гордыню и лучшие, чем у него, способности ходока во времени, и Арно – за мужскую красоту и независимость в суждениях, и других из группы, с которой его связали поступки.

Он ненавидел всех ходоков и остальных людей вкупе с ними.

Ненавидел весь свет – и был вынужден жить в нём. Вот что его больше всего раздражало и приводило в бешенство...

Куда бы он ни уходил во времени и пространстве, везде жили люди со своими заботами и радостями. И нигде, никому не было дела до маленького, злого человечка. Мало того, где только могли, они ущемляли его болезненное самолюбие. И он, пользуясь даром ходьбы во времени, мстил им. Мстил, как мог: убивал, травил, издевался.

Ему хотелось быть благородным красавцем, всеобщим любимцем, покорять женские сердца, успешно выступать на рыцарских поединках, в дуэльных схватках; или прославиться на поле брани, отстоять чью-либо честь...

Но женщины смотрели на него с отвращением, а мужчины – с презрением. И он мстил и тем, и другим.

Мстил!

Он ещё отомстит и Радичу за его везучесть, надменность и заносчивость, и Арно – за его мужское величие, и Тойво – за его увлечённость, и Эдуарду, и Осикаве, о котором слышал, что тот будто бы состоял в их объединении, но которого ни разу не видел. И даже пьянице Гнасису – просто за то, что они с ним встретились.

Он им отомстит всем и за всё!

О мести даже думать было болезненно сладко...

Толкачёв застал Владимира врасплох. Тот как раз самозабвенно вырезал на подоконнике своё имя крупными буквами и не заметил, как рядом проявилась огромная и мощная, по сравнению с его комплекцией, фигура КЕРГИШЕТА.

Связанный и с кляпом во рту, лежа на кровати, на которой только что спал дон Севильяк, Владимир выпученными безумными глазами смотрел и не видел, а если и видел, то не понимал происходящего вокруг него, настолько его поразило случившееся. Громадный, под потолок, как ему показалось, человек, а быть может, и не человек вовсе, легко взвалил на свои плечи грузное, неподъёмное тело дона Севильяка и ушел в дверь, пружиня сильными ногами. Руки дона Севильяка вяло волочились по полу.

Хлопнула дверь. До Владимира постепенно стало доходить, что он не спит, а всё произошло наяву. И связан он по-настоящему, и рот у него заткнут какой-то тряпкой...

И чтобы ото всего избавиться, надо уходить на дорогу времени, не расплатившись с обидчиком.

Симон изнутри такси открыл дверцу, уступил, потеснившись, место на сидении.

– Давай его, голубчика! – наигранно весело сказал он. – Хоть бы здесь перестал храпеть... У-у!.. Запашок от него.

– Ну, здоров же он, – вытирая пот, облегчённо выдохнул Иван. – Я его несусь, а он руками по земле чиркает.

– А переход?

– Нормально.

Симон перешёл на первое сидение, повернулся к Толкачёву.

– Тебя где высадить? – спросил он и предостерегающее повёл бровью на водителя такси, молодого парня, которому, видимо, компания с пьяным не нравилась – он сидел, поджав губы, и деланно безразлично смотрел перед собой; ему за это обещали хорошо заплатить.

– Нигде. Тебе одному его ко мне не провести, – сдержанно ответил Толкачёв. – В нём килограммов сто пятьдесят.

Дальше они ехали молча, пока Иван не попросил шофёра:

– Вот сюда, пожалуйста! – И через некоторое время: – Приехали!

Расплатились. Таксист был доволен и оплатой, и тем, что пассажиры благополучно добрались до нужного места без ущерба для такси.

Ходоки с трудом извлекли друга из тесного для него салона – машину при этом раскачивало, как лодку на волнах.

Взяли дона Севильяка под руки, закинув их себе на плечи, и живописной группой под ироническим взглядом таксиста направились в ближайший двор, где в стороне от нескромных глаз стали на дорогу времени и проявились в прихожей квартиры Ивана.

– Я остановился на всякий случай подальше от дома, – проговорил Иван.

– Это разумно, – пытаясь под тяжестью дона Севильяка, отвечал Симон. – Вообще-то, Ваня, тебе надо иметь свою машину.

– Легко сказать! Взял и купил.

– Это не так сложно.

– Кому-нибудь и не сложно. А я боюсь её. Пробовал уже неоднократно, когда проработовал. На ней ведь, если сам не задавишь, так тебя задавят. Не я придумал. Ну а что? Не правильно? Да и зачем она мне? Чтобы под окном стояла и всем глаза мозолила?

– Тоже мне фаталист какой нашёлся... Фу, как от него несёт перегаром... Надо развернуться, а то не пройдем...

Арно

В квартире их уже ждали, а точнее, в комнате, развалившись на диван-кровати, сидел Арно с нахальной ухмылкой на небритом лице. Длинные ноги накрест, руки в раскидку облокочены на спинку дивана. Он жевал резинку и был уверен в себе.

В углу комнаты, у телевизора на стуле, смиренно сидел Сарый. Положив руки на бёдра, и тоскливо посматривал на Арно негодующим взглядом, справедливо считая, что тому здесь делать нечего.

– С прибытием! – с фальшивой радостью приветствовал Арно входящих.

По тому, как потяжелевшего дона Севильяка потянуло вниз и в сторону, Иван понял, что Симон ему уже не помощник, так как, по-видимому, увидев Арно, стал на дорогу времени, дабы разведать обстановку: один он сюда пришёл или со всей оравой отщепенцев.

– Зря он, – с досадой буркнул Арно, принимая более скромную позу. – Я один. Никто больше не знает, где вы прячетесь.

Проявился Симон.

– Чисто, – доложил он и вопросительно посмотрел на Арно.

– Говорю же, я один пришёл.

Иван, перехватив в охапку дона Севильяка, повалил его на диван. Арно с ворчанием едва успел увернуться, чтобы уступить место падающему телу ходока.

– Вы что, всегда так гостей встречаете? – вскакивая, воскликнул он. – Один, – он кивнул на слегка ожившего и порозовевшего Сарыя, – молчит как рыба, другие даже не поздоровались. Севильяками бросаются.

Не такого приема ожидал Арно, идя сюда. Всё: встреча, приём, разговор – представлялись ему совсем не так, а иначе. Как-никак, он к ним пришёл в необыкновенное время, и они должны были бы понимать это не хуже его.

Он не знал, что и Симон, и Толкачёв откровенно растерялись от неожиданного визита одного из группы Радича, поэтому всё, что ими делалось в первые минуты, нельзя было назвать осмысленным: Симон бросился проверять временную округу по привычке, а Ивану надо было куда-то положить надоевшего храпом и тяжестью дона Севильяка, и он не нашёл ничего лучшего, как взгромоздить его на диван, не предупреждая Арно.

Но как только Арно заговорил, и в его тоне послышались извиняющиеся и даже просительные нотки, Иван и Симон понимающе переглянулись и обрели уверенность в действиях – с гостем пока что не церемониться. Сам пришёл, никто его не звал.

– Мы тебя слушаем, – холодно сказал Симон, присев на диван в ногах дона Севильяка, тесня его свободно раскинувшуюся тушу.

Арно стоя потоптался на месте. Огляделся.

– Сесть-то можно? – спросил с вызовом.

– Садись! – сделал широкий жест Симон.

– Однако вы... нахалы! – бодрясь, попробовал перейти в наступление Арно, вытаскивая из-за стола стул и садясь на него верхом, спинкой вперёд, напротив Симона.

– Не более твоего, – парировал Симон обвинение в нахальстве со стороны гостя.

Иван, засунув руки в ягодичные карманы джинсов, стоял у двери в комнату за спиной Симона и с интересом рассматривал Арно. От того не ускользнуло внимание Ивана, и он несколько раз тоже посмотрел на него, каждый раз приподнимая густые, сросшиеся над переносицей брови. Это, наверное, сбивало его с мысли, и в комнате повисла неожиданная тишина, ритмично прерываемая густыми всхрапываниями дона Севильяка.

– Так что же тебя привело к нам? – ровным голосом спросил Симон, когда Арно уже начал беспокойно дергаться на стуле и искать место для рук.

– Мне эта банда во-от как надоела! – с взрывной горячностью выпалил Арно и выразительно провел по горлу длинной ладонью.

– Только и всего? – пренебрежительно спросил Симон, делая вид, что он будто бы ожидал от собеседника более серьёзной причины для незваного его появления в квартире Ивана. – Да и какая это банда?

Арно опять задёргался; разговор ему совсем не нравился. Раз уж нет слов благодарности, то хотя бы ласковые, как блудному сыну, покорно вернувшемуся к родному очагу. А они уставились на него с трёх сторон пустыми глазами и задают идиотские вопросы.

– А этого что, мало? – искренне возмутился он.

– Так зачем с ними связался? – после небольшой паузы спросил Симон с некоторой заинтересованностью, чтобы дать возможность Арно высказаться.

– Зачем, зачем?.. Мне вначале показалось, что вот появился всё-таки среди нас человек, который сможет сказать ходокам, что надо делать, чем заниматься. – Тут Арно запальчиво зачастил, перескакивая с мысли на мысль. – Ты знаешь, что он говорил?

– Радич?

– Кто ещё?.. Знаешь? Всё, говорил, для людей! Долой рабство и угнетение в веках! Все равны и свободны. Все люди – братья! Поможем бедным и обездоленным!.. Я во времени мотался, не щадя себя... Что бы он ни говорил, я делал... Верил ему... А вы, старики, говорил он, мешаете нам своим дряхлым взглядом на жизнь... Но всё оказалось пустословием... Ворвались в четырнадцатый век, свергли какого-то эми-ра, бедным, кому могли, раздали золото, деньги, товары. Ну, думаем, благо для людей свершили. А там все словно сдурели. Нахлынули неведомо откуда толпы нищих, а богачи озверели... Халиф узнал, бросился на низвержение низвергателя. Война всех против всех! Да!

– Мастаки! – покачал головой Иван, удивлённый услышанным. – Вы что же, основ полит-экономики не знаете? С марксистской теорией и практикой не знакомы? Сразу коммунизм решили устроить? Революционеры!.. Тут десятилетия прошли, и то... Всё кувыркком пошло.

– Какие они революционеры? Анархисты и разбойники настоящие, – продребезжал хрипловатым голосом Сарый.

– Да, с коммунизмом у них явно не получилось. Так же, как пока и у других, – добавил Симон. – Время ещё для того не наступило.

Арно крутил головой от одного ходока к другому.

– Вы о чём? Не пойму о чём речь, – заволновался он, становясь для Ивана вообще персонажем из «Тысячи и одной ночи».

– Темнота необразованная! И это в начале двадцать первого века!.. Третьего тысячелетия!.. Ладно, и что дальше?

– Дальше... – Арно потёр переносицу и тронул указательным пальцем бровь. Повернулся лицом к Ивану. – Всё бросили на произвол судьбы и сделали ещё один заход. Опять свергли эмира. Там же, только во времени лет через сто...

– Что за любовь к эмирам? – усмехнулся Симон.

– Ну, это Радич... Во второй раз он сам решил стать эмиром, чтобы опять не вышло, как уже было. Выбрал такого, что на него походил внешне, дабы ввести в заблуждение окружающих. Тех, кто узнавал в нём самозванца, отослал подальше... Начали потихоньку полегоньку вольности для бедняков всякие устанавливать... Недолго это продолжалось. Нам тут же из других мест, другие эмиры намёки делать стали, мол, так и шею свернуть можно...

Иван засмеялся.

– Ну и дела... Находники нашлись... Варяги!

– Пусть рассказывает, – сказал Симон. – Интересно послушать.

– Да уж. Люди ниоткуда.

Симон посмотрел на Ивана с укоризной.

– Ладно тебе, а ты продолжай, что дальше?

Арно помолчал.

– Мы чуть присмирели, да незаметно сами увлеклись. Во вкус вошли. Гаремы, поклонение. Тьфу!.. Да ещё в нашей компании Владимир объявился. – Симон выразительно посмотрел на Ивана; тот усмехнулся. – Вот откопали типа на свою голову. Сидел он в древней Ассирии, пусть бы там свой век и доживал... Знать бы, кто его там разыскал... Ну и... пошло-поехало. Вдруг узнаю, мешок Сола обнаружился, а в нём уже ходоки сидят, среди них Кристофер и дон Севильяк... Они же, Радич и Гнасис, не водой их поят, а вином, чтобы пьяными всё время были и ничего не соображали. Вот!.. В последний раз я сумел заменить в одном кувшине вино на воду. Дон Севильяк, думаю, может подтвердить, когда проспится. Впрочем, ваше дело верить мне или нет, только я шёл к вам, чтобы помочь бороться против тех.

Высказавшись, Арно как будто выпустил из себя воздух – опал грудью, опустил плечи, безвольно положил на колени руки накрест – пригорюнился, говорят о такой позе человека.

– Ладно, – без особого энтузиазма промолвил Симон, давая понять, что говорить обо всём этом нет больше смысла. – У тебя, Ваня, к нему вопросы есть?

Ивану не вопросы хотелось задавать, а сказать так, чтобы Арно не воображал из себя нечто вроде хозяина жизни и положения, которое пытался создать здесь. У Радича ему не понравилось, – так сюда прибежал жаловаться на прежних дружков. Овечкой прикинулся, нашёл место, где слезу пустить. А казался таким занимательным и независимым.

Вопрос Симона прозвучал как раз тогда, когда Иван готов уже был броситься в атаку и высказаться, но сдержался, что не скрылось от Симона – мимолётная улыбка авгура тронула его губы. Иван осознал, что одними словами Арно не перевоспитаешь, поэтому не было необходимости заводить и метать молнии упрёков, сарказма и увещевания. Чего доброго, вообще его можно было отпугнуть.

– Вопросы есть, – сказал он уверенно и взял себя за мочку уха для успокоения. – В мешке ещё остались ходоки? Сколько их?

– После того, как выпустили дон Севильяка, оставалось трое или четверо... – неуверенно сказал Арно, вспоминая. – Они как раз в то время, когда я приходил за доном Севильяком, сидели кучкой и пили вино... Вернее всего, трое... Я не принимал участия в этом... – вдруг заявил Арно. – В поимке ходоков.

– Почему же? – откровенно усомнился Иван.

Арно обиделся.

– А потому, что пора этот «мешок» взорвать к дьяволу!

– Прекрасный выход, – одобрил Симон. – Что тебе мешает?

– А то... – огрызнулся Арно. – Будто так просто. Взял и взорвал. Там люди... Да и вообще.

Вопрос Симона натолкнул Ивана на идею, реализация которой, как ему показалось, позволила бы разрядить обстановку в стане ходоков во времени.

– Если тебе верит Симон, – нажимая на каждое слово, проговорил он и пристально посмотрел в глаза Арно, – то это его дело. Я же поверю тебе, когда ты поможешь мне всех вытащить из «мешка».

– И рад помочь, но... – Арно сделал паузу, – это трудно. Там стража, и Гнасис при ней как пёс. Вы можете мне не верить, но это правда. Трудно сделать.

– Кто нашёл «мешок»? – спросил Симон.

– Радич.

– Каким образом? Кто-то подсказал?

– Этого я точно не знаю. Он нам рассказывал какую-то глупую историю о том, как ему это удалось. Сплошной бред, рассчитанный на дураков. Как будто ему о мешке Сола рассказал македонец, из-за увечий отставший от армии Александра Македонского... А-а! Наврал он!.. Я для проверки там исходил не одну сотню километров, со многими говорил и раньше и позже

во времени, даже со Шломом встречался, – Симон кивком головы подтвердил правдивость его слов. Арно недоверчиво посмотрел на него. – И это знаете?.. А эти... дурачье! Они думают, что вы все попрятались и носа на дорогу времени не кажете. А вы не дремлете... Смешно, однако.

Арно pokrутил головой.

– Так что ты там выходил? При Александре Македонском?

– Ничего. Никто о мешке Сола не слышал и ничего не мог сказать о нём. А вам известно?

– Многое, но не всё, – медленно ответил Симон. – Стража вооружена?

– Нет. То есть, вооружена, конечно. У них сабли, кинжалы, копья есть. Нет огнестрельного оружия. Да это и не важно. Каждый стражник на случай нападения знает особые места в стене, на которые он должен надавить, и тогда сработают ловушки Радича.

– Хитрец. А что именно?

– Этого никто не знает, а Радич не распространяется на эту тему. Стража, и та не знает. Я у них пытался осторожно наводящими вопросами. А дверь, ведущая в «мешок», железная, и открыть её могут только Радич и Гнапис.

– Кто её сделал?

– Не знаю. Думаю, она там была издавна. Старая очень, грубая и явно ручной работы, зато запоры новые.

– Что сейчас на месте мешка Сола? – поинтересовался Симон.

Арно пожал плечами.

– Пустыня там, – сказал Иван, после чего помолчал и задумчиво добавил: – Да, нагородили... Что, если мы сделаем так. Стражу усыпим. Я войду в «мешок». Вы же с Арно откроете каким-нибудь образом дверь. Взорвёте, в конце концов. Я в этот момент побуду с ходоками на дороге времени и выведу их в нужное время. Они же там все в таком состоянии, как дон Севильяк, если не хуже. Справлюсь.

Симону план Толкачёва не понравился, хотя он, задав несколько вопросов, согласился с ним.

– Как и чем усыпить стражу, я подумаю и беру это на себя, – пред-ложил он и подключил к разговору Арно: – Ты же мне поможешь пробить через время кое-какие приспособления, уберёшь усыпленную стражу... Дверь и вправду лучше взорвать, чем мыкаться там и нарваться на ловушку Радича... Но тебе, Ваня, придётся там туго. Хорошо, если они смогут пойти сами, а то надо будет тебе их всех сразу держать на дороге времени.

– Ничего, – сказал Иван и повторился: – справлюсь. Недолго же.

Арно с поглупевшим выражением лица слушал Симона и Ивана, переводя недоумённый взгляд то на одного, то на другого.

– У тебя есть что спросить? – обратился к нему Симон. – Или ты не согласен с нами?

– Согласен-то я, согласен. Но вы не учли одного. Ведь Иван, как я понял, решил поднырнуть во времена в мешок Сола. Это так?

– Так. Почему тебя это тебя смущает? – Симон выразительно посмотрел на Ивана.

– Но мешок Сола нам страшен тем, что существует, возможно, десять тысяч лет! – воскликнул Арно.

– Семьдесят две тысячи, – поправил его Иван, непритворно довольный произведенным эффектом.

Арно в сомнении покривил губы, соображая, не розыгрыш ли какой учиняют ему здесь.

– Тем более! Значит и в прошлое надо уйти на это же время... Такое под силу лишь...

– Правильно. Такое под силу только КЕРГИШЕТУ, – подсказал Симон.

– Ему... Это же сказки? – возмутился Арно. – Что вы мне морочите голову... – Он резко оборвал возмущённую речь и подозрительно посмотрел на Ивана. – Постойте, постойте... Ну да... Потрясающая подвижность и неуловимость, так бесаящая Радича... Занятно! Ты, Симон, помнишь Мойшу Берсона?... Да, моего Учителя. Он не раз говорил, что КЕРГИШЕТ уже живёт

среди нас... Поэтому я не так уж и удивлён... А он знал... – Арно остановился, всё ещё не уверенный в своей догадке, – об Иване?

– Он его и открыл, но молчал почти до самой своей смерти. Правда, он сомневался, так ли это. Поделился сомнениями с Кристофером, а тот для проверки предположения подключил меня и дона Севильяка. Мы его отыскиали. И тоже, по сути, случайно. Он, сам того не ведая, порой переходил грань между временами. А вот ходить его научил Сарый. Камен у нас Учитель КЕРГИШЕТА!

Сарый зарделся. Арно повеселел и с уважением посмотрел на Камена, с которым его ничто не связывало. Он знал о нём только то, что Сарый – ходок, не ахти какой, сторонящийся и людей и ходоков, но ничего не слышал о нём, как об Учителе, тем более самого КЕРГИШЕТА.

– С КЕРГИШЕТОМ у нас всё просто получится, – обрадовано проговорил Арно.

– Не торопись! Всё это не так легко, как теперь тебе кажется, – охладил его пыл Симон. – Ты сейчас лучше возвращайся к ним, чтобы не вызывать подозрений.

– Вернусь. На их кислые рожи посмотреть. Когда Радич узнает о КЕРГИШЕТЕ, на стену полезет.

– Ему говорить о Ване не обязательно.

– Понимаю. Мне надо Тойво уговорить, я же его к Радичу привёл.

Арно встал, чтобы уйти.

– Да, Симон, чуть не забыл. Я тебя хотел предупредить. Осикава и Жулдас, ты их знаешь... Да, Жулдас ренк, а Осикава текиренк, но с большим кимером. Так вот они как-то научились очень шустро отыскивать ходоков, ушедших в прошлое. Может быть, они могут опознавать следы на дороге времени. Ну-у... Может быть, и не так, но они уже нашли Феликса, Мамбукту и даже Реваза. Реваз будто бы шаманил где-то в Сибири в тринадцатом веке. Они его и там нашли. Это я к тому говорю, что Радич хочет их на тебя натравить. И Осикава, и Жулдас – ребята сами по себе неплохие, но за братство наше держатся и могут выйти на тебя по приказу Джо.

– Он уже распорядился?

– Достоверно не знаю. Если что-то узнаю, дам тебе знать, но ты и сам посматривай.

– Спасибо, мы поостережёмся. А сам Радич что ж, совсем перестал ходить в наше время?

Арно глумливо хохотнул.

– Он захватил место эмира и сидит на нём как сын. Прижился. Все думают, что он настоящий. Тот, что был до него. Но до жути боится, как бы кто-нибудь его не сверг подобным образом. Феодал несчастный... Мне сдается, он себя в том образе нашёл. Знаешь ли, восточный деспотизм, пёстрые одежды, поклонение и другие прелести жизни. Он во всём этом купается самозабвенно. Так что ему у нас делать? Да и наша братия ему поднадоела, так как никто уже не понимает, чего он, в конце концов, хочет, а такой поворот во взаимоотношениях его злит.

– Князька разыгрывает, – неприязненно заметил Сарый.

– Слишком просто, – не согласился Симон. – Впрочем, Бог или, правильнее, Аллах с ним. У нас без него забот достаточно.

– А я пойду спасать Владимира. Он, когда перепугается, на дорогу времени боится уходить. Явлюсь к нему ангелом-спасителем. Пусть знает, кому он теперь обязан своим освобождением ото всех страхов.

Проходя мимо Ивана, Арно остановился, обернулся к Симону.

– Говорят, КЕРГИШЕТ подыщет нам достойное дело, а?

Иван сокрушённо покрутил головой, услышав слова Арно. Этого ему ещё не доставало!

Всё-таки какая-то странная у ходоков была вера в КЕРГИШЕТА. Их фольклор о нём наделил его только лишь положительными качествами, чего о себе, честно положив руку на сердце, Иван сказать не мог, несмотря на всё своё самолюбие. Оттого оно, сердце, ёкнуло – тот ли он КЕРГИШЕТ, о котором они все тут толкуют?

Что, если не тот?

А он уже сжился со своей исключительностью. Очень даже сжился. Трудно будет привыкать к своей заурядности.

Особенно тревожили разговоры ходоков о деле. Все ждут от него, то есть КЕРГИШЕТА, особого подарка – дела.

Но откуда его взять?

Над проблемой поиска такого дела Иван, нет-нет, да и задумывался с тех пор, как о том сказал ему Симон, но ничего пока не находил. Да и как можно придумать какое-то дело, – недоумевал он. Дело не ищут, его делают. Если оно, конечно, есть и необходимо для кого-то.

– Найдёт, найдёт, – успокоил Арно Симон.

– Занятно... До свидания!

Арно, подобно Симону, вышел из квартиры через дверь и только после этого стал на дорогу времени.

– Не темнит? – спросил Иван, кивнув на дверь, закрывшуюся за перебежчиком.

– Поживём – увидим. У Радича ему точно нечего делать. Ведь, кроме ходьбы во времени, Арно ничего другого не умеет делать, вот и мечется от одного берега к другому.

– Что ж, я вам верю.

Симон, прицеливаясь, осуждающе посмотрел на Ивана.

– Пора, Ваня, самостоятельно решать вопросы, – сказал он с доса-дой в голосе. – И пора всю инициативу в конфликте ходоков брать на себя. Ты уже достаточно повидал и узнал, знаешь некоторые наши неприятности. Во всяком случае, те, к которым ты уже приобщился... К тому же, наши междуурядицы не самое страшное, о чём нам, ходокам, приходится думать... – Симон прищурил глаз. – Да и пора тебе, Ваня, до конца осмыслить то, что ты уже не мальчик, а муж и КЕРГИШЕТ к тому же. И то и другое предполагает определённое поведение и мышление.

– Ну, вы даёте! – только и нашёлся, что сказать, Иван.

Симон усмехнулся, но быстро стёр улыбку.

– С одним делом покончили. Теперь о втором, Ваня. Надо сходить к попавшим во временную ловушку аппаратчикам. Есть убедительные доказательства причастности деревьев, растущих в кратере, к созданию эффекта передвижения во времени. По крайней мере, для аппаратного способа.

– А для нас?

– Нами там практически никто не занимается, поэтому, относится ли этот эффект к ходокам, не известно. Может быть, и да... А может быть, и нет. Впрочем, какая нам разница? Ходим же...

От Ивана

Можете представить моё состояние от сообщения Симона.

Масса вопросов повисла на языке, да и съязвить хотелось по поводу убедительных доказательств... Да, хотелось. Но подтвердись эта догадка аналитиков и учёных института времени – и разрушится сказка о способностях ходоков победить время, в которые я уже свято уверовал. Уверовал в совершенство ходоков, в том числе, естественно, и своё. Не в бытовом понимании этого совершенства – среди них случались разные люди, как я и вы, как слушатели моего повествования, успели заметить, и подлецы самые, что ни на есть, – но в том вызове, что бросили они равнодушному и неумолимо пугающему постоянству текущего в никуда времени.

Что может быть страшнее времени? Ничто и ничего!

Забвение, разлука, утраченные иллюзии, молодость, переходящая в немощь, смерть – всё это – время! Как огненный горн, сжигающий миры, жгучие тайны, ценности целых народов.

И нет ему альтернативы!

Было, ушло, прожито, забыто за давностью – так вынуждены говорить люди. Люди, не успевающие ощутить вкуса детства, юности, зрелости, что само по себе, может быть, и полдела, но никто не знает дороги назад. И не для того, чтобы исправить нелепые давние ошибки, а хотя бы вернуться, пусть уже постаревшим, в милые сердцу годы и по-новому, с высоты знаний и опыта житейского, переосмыслить их и сделать практические выводы и для себя и для других.

Одни лишь ходоки сбросили с себя цепи времени и почти не подвластны ему!

А Симон говорит о доказательствах, которые делают эти цепи ещё прочнее. Это что же, из времени не выпрыгнешь?

Мысли расслабили меня. Как будто я подпирал небесный свод и слегка надорвался от тяжести.

– Что из этого доказательства следует?

– Многое, Ваня. Во-первых, ты, возможно, и вправду достиг своего предела. Пояс Закрытых Веков не в счёт, он – искусственное образование. – Я невесело покривил лицом, а он: – Во-вторых, лес кратера катастрофически вымирает, оттого-то, по-видимому, снижается количество потенциальных ходоков, так что в ближайшем будущем... в моём будущем их может вовсе не быть. И, в-третьих, есть надежда вывести аппаратчиков в более позднее время, нагрузив их деревом, растущим в кратере.

– Деревянные скафандры понаделать. В виде гробов?

Моя грубая шутка не возымела на Симона никакого действия, будто я и не говорил её.

– Достаточно его иметь при себе.

– И много его надо иметь?

Симон потёр подбородок о плечо, с прищуром и укором посмотрел на меня.

– Хороший вопрос... – Он помолчал, сделал губы трубочкой. – Тут такое дело... Сказать что-либо уверенно не могу. Возможности проницаемости сквозь время могут быть связаны не только с одним деревом как таковым, но и со степенью его свежести, возраста, конфигурации. Лучше всего просто взвалить на себя часть свежесрубленного ствола и становиться с ним на дорогу времени.

Поскольку Симон, говоря, даже не улыбнулся, подобно юмористу на сцене, с каменным лицом повествующему о чём-то смешном, я фыркнул, представляя картинку предполагаемого Симоном вывода аппаратчиков из отстойника.

– Конечно, смешно. Я здесь с тобой согласен, – Симон подождал, пока я перестану резвиться и смогу его слушать. – Тем более что по весу этого дерева надо нести на себе много. От двадцати трёх до ста сорока восьми килограммов. Таков разброс возможного использования эффекта проницаемости аппаратчиков... – Симон пытливо посмотрел на меня. – Как, Ваня,

смешно и теперь? То-то... В этих расчётах ты не в счёт. Так что сможешь помочь им. Поработашь в одной упряжке со свойствами деревьев и таймендами аппаратчиков.

– Энергополе их аппаратов не мешает?

– Ничего страшного. Ни тебе, ни им ваш контакт не страшен... У меня всё, Ваня.

– У меня... тоже.

У меня точно к Симону не было вопросов.

Какие тут вопросы, когда во всём сказанном нами чувствовалась явная нелепица? Люди двадцать второго века, дерзнувшие покорить само время, оснащённые техникой, зависели теперь лишь от своих физических возможностей: унесёшь невероятной тяжести груз – значит, вернёшься в своё время, не унесёшь – сиди там, куда тебя занесла нелёгкая.

Мне почему-то запала в голову одна цифра и светилась там – полтора центнера – и я не мог отделаться от этой мысли: Кому это под силу?

Перебирая в памяти аппаратчиков, ребят крепких и рослых, я, тем не менее, не видел в них ни одного, кто бы смог справиться с таким весом. Поднять-то они его поднимут. Такое и более слабым под силу. Но тащить его долго на себе... Навряд ли. Недаром Симон не повёрил в мой план вынести аппаратчиков из прошлого на своём горбу. Теперь он мне казался куда более выполнимым, чем эксперимент с деревьями. Аппаратчики всё-таки легче будут ста сорока восьми килограммов.

Да и потом, истинно ли, что первопричина существования временного канала – в деревьях?

– Ты во всём прав, Ваня, – согласился Симон с моими размышлениями вслух. – Но это, к сожалению, пока что единственное предположение и предложение. Других нет... Что ещё?

Я, прежде чем сказать, замялся. Дела ходоков, конечно, это и мои дела.

Вот спасать засунутых Радичем в мешок Сола надо? Надо, естественно.

Аппаратчиков вытаскивать надо? Тоже естественно.

Но у меня могут быть свои заботы. Я Напель хочу найти, а тут что с «мешком», что с аппаратчиками опять всё может отложиться на неопределённое время.

– Но, Симон... – заканючил я, вызвав на его лице настороженность, что это ученик заговорил таким тоном. – Ты обещал после того, как я схожу к Шлому, отвести меня к Перкуну.

– Я не забыл... – Симон помолчал, глядя прямо перед собой. – Что ж, давай сходим к нему.

– Я потом сразу же пойду к аппаратчикам, – поторопился я заверить его.

– Надеюсь, – отозвался он, как мне почудилось, с некоторым сомнением.

– Нет, правда!

– Перестань, Ваня, оправдываться. Ты же уже знаешь, что для нас, ходоков, перерыв во времени в настоящем – никакого значения не имеет. Пойдёшь ли ты сейчас за теми, кто сидит в мешке Сола, или днями позже, для них всё равно ты появишься в один и тот же момент. Так же и для тех, кто застрял в отстойнике...

Перкунас

Полуденное солнце золотило листву начала осени, было тепло и сухо. Этим летом здесь, по-видимому, дождей выпадало мало. Под ногами хрустели веточки и шелестели рано опавшие листья молодой дубравы. Деревья стояли плотно, тянулись тёмными стволами вверх. Только на опушках дубы росли привольно и имели возможность простоять века – им не нужно было бороться за жизнь в тесноте собратьев, где не всякому удастся выиграть гонку к свету и отводить подземное пространство для корней.

– Сейчас сориентируюсь, – сказал Симон, нелепый в своей элегантности среди зарослей. Его лакированные туфли блестели оконцами воды в пожухшем травостое. – Вот... пойдём сюда.

Они прошли несколько шагов, деревья расступились, и ходоки оказались перед небольшим холмом, вверх по которому уходила тропа.

– Здесь недалеко поселение, – лёгким движением кисти руки показал Симон в лес, откуда тропа выходила. – А там, наверху... Видишь? Да, там частокол. Он огораживает капище. Тропа ведёт к воротам. Они не запираются. Как войдёшь, сразу поверни направо и – вдоль навеса, где поселяне в определённые дни пожирают жертву, Навес пристроен к забору. Так вот пройди на противоположную сторону капища. Напрямую не ходи. Это у них не положено.

– Табу?

– Не знаю... В центре капища у них идола. Поэтому, наверное... Перкун... У него шрам на лбу. Здесь, – Симон перечеркнул свой лоб пальцем почти от одного виска до другого наискось к правой брови. – Скажи ему, что пришёл от учителя ходоков Сарыя... э-э... Задиры.

Иван усмехнулся.

– Каждый ходок имеет клички, иначе... – Переходя на менторский тон, начал, было, распространяться Симон, но Иван отмахнулся.

– Да ладно Вам.

– Впрочем, он тебя увидит – и сам поймёт, что ты не из его окружи и эпохи. Иди, Ваня!

Симон дождался, пока Иван вышел на тропу, помахал рукой и только после этого стал на дорогу времени.

Дышалось легко, и Иван быстро поднимался по высохшей дорожке. По ней ходили много. За долгие годы она была втоптана глубоко ниже уровня земли.

Тяжёлые ворота на широких ременных петлях, которые, по словам Симона, должны были быть раскрытыми, оказались сомкнутыми и подались с трудом. Когда образовалась щель, чтобы можно было в неё протиснуться, Иван сделал это.

Взору его предстала обширная, ровно поросшая посеревшей травой площадка, в центре которой возвышался выложенный из грубых необработанных камней алтарь в окружении деревянных звероподобных скульптур неведомых богов. Головы некоторых животных были посеребрены. Над капищем – сень многолетнего дуба.

В воздухе висел смрадный запах.

Тишина и яркое солнце властвовали здесь безраздельно. Лишь приглушённо стрекотали кузнечики, да откуда-то доносилось унылое пение.

Если бы Симон даже не предупредил, то Иван и сам догадался бы, как пройти к обители Перкуна: здесь тропинка превращалась в утоптанную дорогу и сразу после ворот сворачивала вправо и вела мимо крытого сверху шатром из лемеха длинного строения, разделённого внутри рубленными из толстых стволов стенами. Эти отдельные каморки были открыты к капищу; задней стенкой им служил частокол.

Длинные столы и скамейки – грубые и прочные – служили единственным украшением этих помещений. Сейчас их пронизывали сквозь щели кровли и частокола солнечные лучи,

придавая им запущенный, заброшенный вид, – похоже, их давно никто не посещал. Пол был подметён до утрамбованного глиняного основания.

Иван обогнул капище, и в его поле зрения открылась противоположная сторона огороженной площадки на макушке холма.

Выделялось жильё волхвов – высокое, рубленное костром строение, похожее на сторожевую башню с узкими (в одно бревно) горизонтальными оконцами. Посередине башню опоясывало гульбище, к которому вело крыльцо, больше похожее на обычную лестницу, но с перилами из тонких жердей.

Внизу, в трёх шагах от лестницы по направлению к группе идолов, горел небольшой бездымный костерок и подогревал какую-то посудину, висящую над ним. Ни дать, ни взять, картинка временной остановки рыбаков-любителей где-нибудь на озере с ночёвкой: две рогатки вбиты в землю, на них перекладина из не очень ровной палки, а на ней висит котелок с будущей ухой...

Перед посудиной на корточках сидел человек и помешивал варево. Длинные седые волосы, перехваченные тонким ремешком, проходящим через лоб, почти полностью скрывали его лицо. Он либо не слышал шагов Ивана или не хотел обращать на него внимания и занимался своим нехитрым делом.

Подойдя к нему почти вплотную и не видя никого другого, Иван громко поздоровался. Если это был не Перкун, то обращение Толкачёва могло быть для него непонятным звуком. Но старик, помешивая какую-то тёмную пузырящуюся жидкость, буркнул в ответ слова приветствия на языке ходоков.

Пожалуй, это был именно тот, к кому Иван пришёл. Поэтому продолжил по подсказанному Симоном сценарию, проговорив:

– Привет тебе, Перкун, от Учителя ходоков Сарыя Камена... Задиры.

Перкун хмыкнул, дёрнув сухими плечами под тонкой льняной рубахой и поднял голову, чтобы посмотреть на пришедшего.

На Ивана глянули блестящие водянистые глаза. Шрам, описанный Симоном, не очеркивал лоб, а глубоким до немыслимости провалом отделял брови от скальпа. Лба у этого человека практически не было, только рваный шрам, в который могли бы войти два вместе сложенных пальца. Иван даже вздохнул от неожиданности.

Перкун, по-видимому, понял его, но нижняя часть его лица с правильными чертами оставалась невозмутимой. Привык, наверное, что люди, глядя на него в первый раз, переживают одно и то же.

– Давно я от Задиры не получал приветов, – певучим сильным голосом сказал он. – И от дружка его любезного Симона тоже.

– Он...

– Знаю, иначе, как бы ты меня нашёл?

– Ну да, – растерялся Иван от такого начала знакомства.

– Понятное дело. Задира во времени ходить не любит, тем более, если надо кого-то вести к кому-то. Это не по нему. Только если...

– Н-не знаю, – пробормотал Иван.

Он почувствовал глубокую пропасть, отделявшую его от Перкуна.

Им никогда, пожалуй, не стать друзьями. А ведь сказано между ними было совсем немного, да и слова прозвучали ничего не значащие.

Не сказать, что от Перкуна веяло особой холодностью или неприязнью, но... Было что-то, от чего Иван словно увидел перед собой глухую стену, с которой душевно поговорить или сдружиться невозможно: стена же. При этом ни он сам, ни стена во всём этом виноваты не были.

Перкун вернулся к своему занятию, и казалось, ничто его уже не могло заинтересовать, кроме как медленное вращение тёмного отвара очищенным обломком ветки.

Иван не успел настроить себя на ожидание или возмущение, как Перкун отбросил мешалку далеко в сторону и встал. Ноги у него оказались длинными, а голова гордо посаженной на костлявые плечи.

Но шрам...

Это какой же надо было пережить удар, чтобы остаться в живых и носить такую ужасную отметину? Иван старался не смотреть в лицо старика. К своим друзьям-инвалидам по афганской войне у него уже выработался рефлекс поведения, и он пообвык видеть у одного пустой рукав, а у другого протез вместо ноги. Но здесь, встав лицом к лицу перед человеком и ходоком с увечьем, он не мог побороть в себе чувство какой-то подавленности и стеснительности.

– Что привело тебя ко мне? – спросил Перкун, потирая руки.

– Камен... Сарый сказал, что ты знаешь что-то о трёхглазых людях.

– Я?.. – Перкун не удивился, а задумался. – Трёхглазые?.. Не думал, что кому-то из наших это понадобится... Как тебя зовут?

– Иван.

– Зачем тебе, Иван, это надо?.. Нет, если не хочешь, не говори.

– Почему же. Расскажу.

Перкун провёл ладонями по своим седым космам.

– Тогда пойдём в горницу, квасу попью. Дожди запоздали, но вода в колодцах ещё есть, – поделился он сведениями, которые его, по-видимому, беспокоили в этом засушливом году.

Он оглядел безоблачное небо и вздохнул.

Они поднялись вверх по лестнице. Перила раскачивались и назначения своего, как опоры для рук, не выполняли. Дверь, ведущая во внутрь постройки, открылась, и они шагнули в полумрак. Убранство горницы поражало простотой: стол и две скамьи по его сторонам. Впору разместиться человекам восьми. И всё.

– Садись, Иван, – указал Перкун на скамью справа.

Откуда-то в его руках появился деревянный жбан и две берестяные кружки. Он их наполнил, подняв жбан, через край; одну поставил Ивану. Посудина с квасом исчезла. Волхв сел, взял свою кружку длинными сухими пальцами и отхлебнул напиток.

– Пей, Иван. Квас на семи по семь травах настоян.

Толкачёв пригубил тоже, осторожно опробовал вкус напитка.

Н-да... Он знал, что квас от слова квасить. Но здесь знакомым вкусом и не пахло. Предложенное Перкуном питьё походило на всё сразу и пилося приятно. Оно обладало внутренней, словно скрытой, наполненностью газом, подобно пепси-коле.

Кружку он одолел одним духом.

На обезображенном лице Перкуна промелькнула улыбка

– Хорош квас?

– Хорош, – искренне похвалил Иван.

– Тогда наливай сам и рассказывай, – знакомый жбан объявился на столе.

Не было смысла упоминать о людях Прибоя и о Поясе Закрытых Веков, и о том, что случилось там. Поэтому Иван, пропуская всё, что с ними было связано, рассказал о встрече с девушкой, у которой, по-видимому, есть третий глаз с удивительным свойством, а также при каких обстоятельствах эта девушка исчезла.

Перкун слушал, изредка прикладывался к кружке и делал небольшой глоток. После каждого раза заботливо обтирал рукой усы и бороду.

– Любовь, значит, – подытожил он повествование Ивана после его окончания. – И я слышал о таких людях, и даже человека знаю, который их видел. Но закавыка в том...

Перкун задумался.

– С ним что-то случилось?

– С кем? – не понял волхв.

– С этим человеком?

– А-а. Нет, он живёт в своём времени. Не в таком уж далёком прошлом. Сейчас-то, конечно, от него ничего уже не осталось... Я, Иван, не знаю твоего пути. Дойдёшь ли?

– Сколько?

– Тысяч пять.

– Я смогу.

– Но видел он их тоже в прошлом. Уже для себя.

– Я смогу.

Кажется, опять начиналась игра в слова, как это случилось со Шломом, да и с Арно.

– Ну да. – Перкун явно озадачился, и его водянистые, а в сумраке горницы, словно стеклянные, глаза впервые с уважением глянули на ходока из будущего.

– Я – КЕРГИШЕТ.

– А?.. А-а... То-то Задира на наших последних встречах, будто в темноте нас держал и байки рассказывал.

– Он мой Учитель.

– Я понял. – Перкун помолчал, потом как-то странно, отвергая все представления о нём, сложившиеся у гостя, фыркнул. – В Фимане он... – и замолчал на полуслове.

– Я не знаю, где Фиман, – дипломатично ответил Иван.

– И хорошо, что не знаешь, – с нажимом сказал Перкун. – Хотя, – он медленно огладил бороду, – тебе положено знать всё. О том же Фимане. Ты ещё, вижу, молод годами, а придёт и для тебя черёд там побывать. Но... Не знаешь – и не знаешь. Задира знает, что делает. Не говорит?

– Они с Симоном в сговоре, меня в неведении держат.

– И то...

То ли Иван уже привык к его изуродованному лицу, то ли оно стало другим, но теперь он видел перед собой его без жёстких складок у крыльев носа и даже повеселевшим.

– Так вот, – продолжил Перкун. – Этого человека зовут Уленойк.

– Это что же? Вождь ылимов? В Харрамарре?

– Знаком значит? Это он и есть тот человек.

Иван обрадовался.

– Так он же мне уже предлагал на них посмотреть, а я всё откладывал, поскольку без надобности было. А потом, когда собрался, не дошёл до него... Надо же!

– Да, Уленойк... Я к нему иногда забредаю. Когда он не ахальничает. – Перкун скользнул быстрым взглядом светлых глаз по лицу Ивана. Иван кивнул, мол, знаю, о чём речь. Перкун тоже кивнул. – Но там с полем ходьбы какая-то неладица.

– Да, там область случайностей. Я тоже каждый раз выхожу не там, где хочу. Отклонения на десятки шагов.

– У меня порой, на день обычной ходьбы. Да... А Уленойк может... Да я вот только до тех трёхглазых не дойду. Тысяч восемь, наверное, до них, а у меня с полтысячи меньше запас. Тебе же впору.

– Да, мне впору.

– И сколько?

Кем бы ни был человек, в каком бы возрасте или на какой ступени иерархии власти или положения не находился, а любопытство у всех сродни вечному детскому «Почему?» и глубоко сидит в человеческом естестве, если он, конечно, не законченный идиот или совершенно пустой душой. Оно не подвластно никому и каким-нибудь образом покажет себя: словом, тоном, как оно было сказано, жестом, мимикой...

Особенно такому любопытству были подвержены ходоки, тем более, когда что-либо касалось их необычного дара – ходьбе во времени – и всего того, что с ним было связано.

Волхв Перкун, на взгляд, лет шестидесяти от роду, повидавший в своей жизни немало, полюбopoпытствовал – и не находил в том ничего постыдного или невежливого по отношению к гoстю. Иван же такому поведению ходоков не удивлялся. Мало того, если бы Перкун не назвал свой диапазон, он обязательно поинтересовался бы им тоже. Ибо ходок характеризуется своим диапазоном и скоростью движения во времени.

– Вероятно, – ответил он, – около полумиллиона лет. Но побывал я уже раз в сто дальше...

– Ну-у... – отставил кружку старик.

– Бывал и в своём будущем. Симон меня водил, да я и сам теперь туда хожу.

– Да-да, – закивал головой волхв, – так говорят о КЕРГИШЕТЕ. Я рад, что встретил тебя и смог помочь хотя бы в малом. Меня всегда здесь можно найти. Кому будет надо, пусть скажет, что от КЕРГИШЕТА.

– Спасибо, Перкун!

– Перкунас.

Иван с интересом осмотрел волхва, припомнил:

– Что-то знакомое... Перун... Перкунас... Боги?

– Мы поклоняемся Перкунасу. Я – его жрец, потому тоже – Перкунас.

– Спасибо, Перкунас, за помощь и квас. У нас квасом называют другой напиток, а это по вкусу похоже, пожалуй, на сбитень. Не знаю точно. Да и сбитень пьют горячим... Не знаю.

Они вышли из горницы на гульбище. Солнце ударило в глаза.

Иван осмотрелся. Площадку владений Перкунаса покрывала сплошь жухлая никогда, наверное, не скашиваемая трава. Внизу, у подножия холма с капищем, темнели леса с жёлтыми заплатами отвоёванных у них полей и кулиг.

– До свидания, Перкунас!

– Пусть твоя дорога будет без закрытий, – напутствовал старик, подняв в прощании руку. – Симону, Задире и Уленойку мои поклоны.

Пирик

Как-то, ещё до того, как его занесло за Пояс Закрытых Веков, идя по дороге времени, Толкачёв материализовался в прошлой Амазонии тысяч за пять до нашей эры.

Никаких закрытий на данный момент времени и в данной точке пространства, где могло появиться его тело в реальном мире, не было. Но он не успел даже оглядеться, как получил по спине удар увесистой палкой. Силу удара смягчил рюкзак, зато в нём с печальным звуком распался на осколки термос с горячим чаем. Спину обожгло.

Надо было бы сразу стать на дорогу времени и избежать дальнейших недоразумений, коль скоро он попал туда, куда не следует, но Иван обиделся. Он резко обернулся и увидел перед собой группу краснокожих и черноволосых молодых людей, с изумлением рассматривающих его. Он для них появился, по существу, ниоткуда.

Сам обидчик, нанёсший Ивану удар, в ужасе отступал назад.

Одеяние молодых людей, если можно было это назвать одеждой, позабавила Ивана, точно так же, как он потом узнал, и его экипировка изумила другую сторону не меньше. Кожаные куртки закрывали всё тело аборигенов, но где-то на ладонь ниже пупка оно оставалось открытым до середины бёдер. Дальше ноги опять обтягивались кожей и были упрятаны в нечто похожее на сапоги. На голове у каждого красовалось какое-то причудливое сооружение из разноцветных перьев и веток со свежими листочками.

Позади Ивана раздался протяжный стон.

Иван не обернулся на звук, дабы не терять из вида неожиданных противников, а сделал несколько шагов назад. Спина его упёрлась во что-то твёрдое и надёжное. У ног его оказался человек, поверженный на землю. Незакрытые части его тела бугрились полосами от ударов палок. Нападавшие имели такие же отметины, возможно, полученные от этого человека, поскольку в руках у него также была зажата метровая палка в два пальца толщиной.

Лёгкая паника среди молодых людей, возникшая после появления ходока, улеглась, их было не менее десятка, и они решили возобновить атаку, метя теперь и в Ивана.

Толкачёв никогда не любил, когда против одного выступала толпа. В девяносто девяти случаев из ста, по его мнению, делалось это из злого умысла. Правые никогда не наваят на жертву таким скопом, считал он, если они правые. А здесь, к тому же, явно никто не собирался различать его самого и упавшего от побоев.

Палки уже посвистывали в жилистых руках перед самым лицом. Впрочем, делалось всё это на дилетантском уровне – лишь бы помахать. Потому отобрать у ближайшего противника его оружие Ивану ничего не стоило. Та же участь постигла второго, слишком увлечённого «неправым» делом.

Лишённые палок отскакивали назад так энергично, словно их отталкивала пружина. Иван ещё не знал негласных законов этой страны, но его действия, направленные только лишь на оборону, а для этого надо было обзавестись адекватным оружием, оказались правильными. Здесь мужчина, лишённый в бою палки, считался не мужчиной, а схортом, то есть безрогой коровой.

Поистине – бодливой корове бог рогов не даёт.

– Схорт! – первое слово, изданное хриплым голосом, раздалось рядом с Иваном. Это тот, кого он сейчас защищал, качаясь от боли и усталости, поднялся и выставил перед собой свою палку. – Схорт!

– Схорт! – рявкнул Иван, даже не понимая значения сказанного, и выдернул из снующих туда-сюда палок ещё одну.

Делал он это пока что всё машинально, но догадался – такими действиями он уменьшил число нападавших ещё на одного. Продолжение ход сражения в таком роде внушало оптимизм.

– Схорт!

– Уй-юй! – подхватил его неожиданный напарник, и едва сам не выпустил палку из ослабевших рук.

Толку от него не было, так что ждать поддержки с его стороны не приходилось. Иван на время позабыл о нём и успешно отбивался от оставшихся аборигенов, вооружённых палками.

Но происходило всё действие как во сне. Мелькание палок не давало возможности оглядеться или хотя бы внимательнее рассмотреть их владельцев.

Зато сноровкой он их превосходил на порядок.

Р-раз! Левая рука зацепила оружие, правая – нанесла удар по её обладателю куда придётся, но так, что палка улетела назад и гулко стукнулась о каменную стену неизвестного Ивану строения. И обезоруженный противник, оскалив зубы, исчез из поля видимости.

Новый захват и рывок...

Иван, наконец, огляделся. Перед ним нерешительно переступали с ноги на ногу трое с палками. Остальные рассеялись.

Он вытер со лба пот. Напарник опять лежал на земле, но вся его избитая плоть тянулась к обидчикам.

– Отдохни! – посоветовал ему Иван и, видя, что противники решительно настроены драться до победного конца, сам пошёл в атаку.

Противостоящие ему воины, как теперь мог видеть Иван, имели хорошие пропорции тела, и явно побывали в драке на палках неоднократно: были видны старые отметины от полученных ударов. И всё-таки каждый из них уступал Ивану в росте, силе и способностям противостоять в рукопашной схватке.

Теперь, когда их оставалось всего трое, у Толкачёва появилась возможность маневрировать, а также использовать для нападения и обороны свои ноги. Последнее даже не удивило, а повергло в ужас молодых людей, после того как ходок сшиб одного из них наземь ударом ноги в плечо – после полного оборота вокруг своей оси.

Они с воплем отступили, подняли своего поверженного товарища и волоком потащили его подальше от странного, явившегося из воздуха, защитника ими уже поражённого и умирающего врага. Там, в шагах десяти, они посоветовались между собой, затем покричали, грозя своим оружием Ивану, и нестройной гурьбой пустились прочь.

Иван не успел уловить произнесённых слов на незнакомом пока что ему языке, но суть их была ясна и так.

Он не стал их преследовать, хотя свербело – догнать и поддать, чтобы неповадно было на одного наваливаться скопом и бить незнакомцев, то есть его самого, да потом уже после драки грозить палками.

И термос вот разбили...

Теперь надо было заняться человеком, ради которого пришлось ввязаться в необычную драчку. Избит тот был основательно. Плечи, спина, бока, руки и бёдра багровели от сильных палочных приложений к этим местам, кровь струилась из небольшого разрыва кожи на лбу у самого виска, капала из носа.

Иван в задумчивости постоял над ним. Трогать избитого таким образом человека – всё равно, что нанести ему новый удар, так как сейчас у него всё наболело и приобрело необыкновенную чувствительность. Такое Иван испытал на себе, когда они однажды мальчишками нахлестали друг друга прутьями, после чего любое касание к коже заставляло болезненно вздрагивать всё тело, словно его внезапно окатывали крутым кипятком.

Наконец, решился – и слегка пошлёпал лежащего по щекам. Избитый человек вздрогнул и приоткрыл глаза; пролепетал что-то непонятное.

– Ожил! Теперь вставай! – подал ему руку Иван.

Неожиданно тот цепко ухватился за протянутую ладонь и без труда поднялся, хотя и морщась от боли. И, следом, лицо его вдруг осветилось улыбкой. Он увидел разбросанные вокруг палки и уходящих врагов. Из горла его вырвался ликующий вопль и уже знакомое Ивану слово:

– Схорт!

Сейчас, неприязненно подумал Иван, начнёт бить себя в грудь и изображать из себя победителя. Приготовился покорно посмотреть, как это будет выглядеть. Однако его нечаянный напарник упал перед ним на колени и стал что-то быстро говорить, показывая на себя и Ивана.

Теперь он меня за бога какого-нибудь принял, более спокойно подумал Иван.

Такое поведение человека прошлых времён естественно. Внезапное появление его в реальном мире, будто из ничего, среди людей имело одну неприятность. Для них возникновение ходока всегда являлось не чем иным, как чудом. Чудом, возможно, по-настоящему единственным, увиденным ими самими в своей жизни.

Но ведь, сколько до того они слышали от других о подобных чудесах: явлениях и превращениях, исчезновениях и воскрешениях. А такие сказочные случаи, когда кому-то являлся помощник и защитник, а кому-то – злой враг человечества, они слышали тоже только от других. А тут перед их глазами свершалось именно то, во что верилось и не верилось (последнее – по здравому размышлению), но что сидело в любом человеке на уровне подсознания.

Так, как появился Иван – в самый драматический момент, мог объявиться только Бог. Добрый Бог! Защитник и подмога. Поистине Спаситель! Тут уж не до размышлений и сомнений. Вот он – Бог. Пришёл, чтобы наказать жаждущих его, имярека, смерти...

Но дальше произошло совершенно невероятное для Ивана, чего он не мог ожидать ни при каких условиях.

– Меня зовут Пириком, – проговорил коленопреклонённый человек. – Я знаю... Ты ходок во времени. Мой отец, Уленойк, рад будет видеть тебя, и говорить с тобой.

Как ни чудовищно было произношение этого юноши, а выглядел он очень молодо, Иван понял всё сказанное на языке ходоков.

Смысл сказанного понять-то он сразу понял, а сам факт речи доходил до него дольше.

– Э-э... Ты что, ходок?

Пирик отрицательно потряс головой.

– Мой отец, Уленойк, ходок, а я с ним.

– Н-ну, да... – растерянно проговорил Иван. Что-то в ответе Пирика смутило его. – А где твой отец, Уленойк?

Пирик с коленей повалился набок, облокотился рукой о землю. Он, похоже, и не думал падать ниц перед Иваном, его просто не держали ноги – от слабости.

Подождав, Иван присел рядом с ним, внимательно вслушиваясь в его лепет. Пирик в это время был похож на школьника, занятого устным счётом: глаза под лоб, сосредоточенное, в муках, лицо и шевелящиеся пальцы.

– Вот, – подытожил расчёты Пирик, – мой отец, Уленойк, столько тумов... далеко. – И показал растопыренные пальцы рук и ещё три пальца на ноге.

Высказанное расстояние могло быть любым, ибо названный Пириком тум мог составлять и сто шагов, и сто километров.

Иван покрутил головой, посмотрел на солнце, – оно клонилось к западу. Идти никуда не хотелось, но с Уленойком следовало встретиться. Такого имени он ещё от ходоков, у которых черпал сведения о прошлом и проживающих в нём, не слышал. По-видимому, и не мог услышать. Все его друзья до сего времени дойти не могли, а Уленойк, быть может, ничем своим современникам-ходакам не запомнился.

– Ладно, – сказал Иван, не вдаваясь в подробности меры длины, высказанной Пириком. – Давай сделаем так. Ты говори со мной на своём языке. Да, да, как говорят здесь у вас. Я тебя

пойму. Ты говори, пока мы с тобой будем есть, а потом... – он хотел сказать – посмотрим, но сказал: – пойдём к твоему отцу, Уленийку.

– Да, да, – подхватил Пирик. – У-у, как он обрадуется. О!..

– Говори на своём языке, – напомнил Иван.

Пирик быстро заговорил. Иван вслушивался в незнакомую речь. Не долго.

– Теперь повтори всё сначала, – попросил он, наконец, Пирика на языке ходоков.

Лингвам с успехом делал своё дело, но надо было выслушать поведенное Пириком ещё раз.

Сын Уленийка вначале стал переводить сказанное им на понятный ходокам язык.

– Нет! – остановил его Иван. – Говори на своём языке. Повтори! Только не торопись.

Пирик, хотя и с неохотой, стал говорить по-своему. Иван вслушивался. Постепенно стали появляться осмысленные фразы. Тем более что Пирик, в основном, говорил о своём отце.

– Я хотел бы встретиться с твоим отцом, – сказал Иван, так как стал его понимать, а, значит, и говорить, хотя с трудом.

Пирик оторопело уставился на Ивана.

– Ты говоришь! О!.. Отец мой, Уленийк, будет тебе рад. О!.. Отец мой, Уленийк, великий воин Великого Пелилакканка! Он имеет сто жён! Его все боятся, и обходят его ромт стороной, хотя вокруг Харрамарра нет даже стены. Мой отец, Уленийк...

– Я понял, – прервал его Иван, с сожалением выбрасывая из рюкзака гремющий внутри стеклом термос, после чего выложил хлеб, консервы, флягу с коньяком и пузырёк с фиталоном, а к нему кусочек ваты. – Давай-ка я тебе смажу всё это. Быстрее заживёт.

Пирик принялся, скривился, но покорно выдержал лёгкие касания ходока.

– Здорово тебя поколотили, – критически оценивая свою работу, сказал Иван. – За что же они тебя так?

– Как за что? – удивился Пирик, словно Иван сказал ему некую бестактность. – За женщин, конечно.

– Ага, – согласился Иван, не находя в его ответе изъясна; однако в нём слышалась какая-то не то избыточность, не то недосказанность.

С одной стороны, обычный бабник, вот и быют скопом; с другой – почему такая безапелляционность в утверждении, что здесь за женщин всегда быют?

– Пацифист, значит, – предположил он, на что Пирик охотно мотнул головой.

Значения произнесённого Иваном слова он не знал, поэтому понял его по-своему, отозвался:

– Им тоже от меня досталось.

– Видел я, – отмахнулся Иван, вытирая руки о траву. – Давай есть. Потом расскажешь, почему у вас быют за женщин, и кто такой твой отец, Уленийк.

Они шли каким-то лугом.

– У меня много женщин. Я сын своего отца, Уленийка, а он совсем как Анки, а Херести говорит, он больше, чем Анки.

– Ну-ну, – подбодрил Иван. – Анки – это отец твоего отца, Уленийка?

Оживший после еды и смазки ран Пирик даже отпрянул в сторону и приставил указательный палец к верхней губе, будто усы показал.

– Уй! Анки не отец. Анки – Бог! От него родились все люди. И от его женщин, конечно.

– Извини, – ухмыляясь, произнёс Иван. – И чем же твой отец, Уленийк, превзошёл самого бога Анки?

– Мой отец, Уленийк, ходок во времени. Поэтому Херести говорит, что отец мой, Уленийк, и есть сам Анки.

Наступила очередь удивиться Ивану. Он присвистнул. Такого он ещё не слышал о ходоках.

– А что говорит твой отец, Уленойк?

– Отец мой, Уленойк, смеётся, когда его об этом спрашивают.

– Это хорошо, что смеётся.

Иван задумался. Неужели Уленойк ведёт родословную от самого себя? Забавно с ним поговорить, потому что всё может быть и так – вечный круговорот одних и тех же личностей и событий.

Если это так... То что? Хорошо или плохо? Вполне гамлетовский вопрос, только глобальный. Ведь он сам может попасть в такую же ситуацию и быть сам себе пращуром, и далёким потомком. Сюжет...

Пирик шёл, поигрывая палкой. Она у него служила то для опоры, то просто для того, чтобы срубить высоко выбившийся стебель травы. Порой он её забрасывал за спину и брал локтями, давая опору рукам...

Одет он был всё-таки экзотично. То, что на нём одежды мало, понятно – от тёплого климата. Но почему такая демонстрация мужской плоти? Вырез на месте гульфика в свободных, в виде длинных шорт, штанах явно сделан специально. То же самое было и у напавших на него юношей, хотя одежда их отличалась. На Пирике – лёгкая безрукавка, на ногах – вязанные, наподобие лаптей, сандалии. Волосы на голове собраны в косицу, которую удерживала бледно-голубая повязка. При нешироких плечах сын Уленойка обладал мускулистыми руками, а грудь и живот были будто от другого человека – слабые, не развитые. Его противники, как успел разглядеть Иван, выглядели в большинстве, в сравнении с Пириком, атлетами.

Солнце закатывалось за плоский горизонт, и стоило подумать о ночлеге. Всё, что он хотел узнать от Пирика, Иван узнал. Связь с божеством, вернее, обожествление человека и ходока во времени погрузило его в глубокое раздумье и занимало в течение всего путешествия к неведомому ронту Уленойка.

Великий Пелилакканк

Там, где ныне простирается «зелёный ад» Амазонии, за десяток тысяч лет до настоящего времени Ивана Толкачёва, простиралась холмистая, изрезанная реками равнина с небольшими скалистыми останцами. Правда, уже тогда Великий Пелилакканк, как называли эту обширную страну многочисленные племена, в некоторых местах являл взору заросли, предвестники будущего сплошного массива. Но в целом земля Пели, Сына Зачинателя Анки, представляла собой прерии, где паслись бесчисленные стада животных – диких и одомашненных, где выгодно селились люди, строя посёлки из хижин, в которых царил Древний Закон Анки.

Люди занимались охотой, скотоводством, земледелием, в меру воевали между собой, но не враждовали племенами, обходясь единоборствами между теми, в ком кипела кровь, подвигая на поиск места приложения излишней силы и избыточной энергии. Дрались на палках и дубинах. Лук охотника против человека не применялся. Ослушнику грозила позорная смерть, куда бы он ни скрылся.

Случались, конечно, исключения, да и Древний Закон Анки, сложившийся в незапамятные времена, ещё в пору после великих пожаров, охвативших всю страну, стал устаревать. Причиной тому послужило неравенство полов. Из года в год, из века в век число мужчин-холостяков становилось больше и больше, женщин им не хватало.

Местные легенды рассказывали, что после пожаров на всей земле Пели остался только один мужчина. Звали его Анки. Женщины бродили толпами, изнывая от отсутствия мужчин. До пожаров правителем был матриархат, а вторая, мужская, половина человечества служила женщинам для деторождения, развлечения и в качестве слуг. Служа женщинам, они в первую очередь и поплатились: спасая их, сами сгорели в огне.

В те далёкие и забытые времена, после испытаний по существовавшему правилу в беге, танцах и наказании мужчин, матриархом стала женщина, презиравшая представителей другого пола за их грубость и непритязательный вид, кроме Анки, выбранного ею из сотни представленных на смотр претендентов для продолжения рода, утех и иных услуг.

Его мощный торс, красивые, сильные ноги и руки не шли ни в какое сравнение с тем поистине божественным даром, что называется мужской силой. Анки мог удовлетворить страсть не только своей повелительницы, его хватало и на многочисленную свиту матриарха.

Вид его особых достоинств приводил женщин в исступление.

Поэтому через три года, когда матриарх должна была освободиться от Анки, убив и сварив его в воде на человечье рукой траве, она спрятала его в глубокой яме, а вместо него умертвила и съела другого мужчину.

Анки снова оказался в списке претендентов и, естественно, матриарх выбрала его и родила в этот раз от него сына Пели, первый крик которого совпал с падением с неба раскалённых каменных капель дождя, сжигающего всё на земле.

Мужчины в большинстве своём находились вне поселений и убежищ, поэтому сгорели сразу. Малая их часть заслонила женщин и тоже сгорела. Лишь один Анки отсиделся в глубокой яме...

Так рассказывала легенда.

По-видимому, всё-таки он не был единственным. В некоторых вариантах легенды говорилось, что когда Пели сам ушёл в гости к прародителям, то оставил после себя мир, совсем не похожий на прежний, а мужчины взяли себе женщин сколько могли, даже по двадцать.

Правда, все они от любовного истощения быстро умерли, но женщины успели зачать и народить от них детей. Много детей. И сейчас потомки тех первых мужчин, обособясь в роды и племена, носили их имена.

Зато Анки забрал к себе сорок женщин и жил долго Он оставил после себя столько сынов и дочерей, сколько произвели на свет все остальные мужчины вместе взятые.

Анки к тому же стал патриархом, а его потомки стали властвовать в Великом Пелилакканке.

После смерти первого патриарха каждый мужчина должен был иметь столько жён, сколько мог покрыть ради продолжения поколений, ибо женщины преобладали. Однако с годами природа навела извечный порядок: мальчиков стало рождаться больше, чем девочек. Несмотря на преобладающую смертность среди мужской составляющей, пропорции полов уравнились.

Наступила пора вернуться к прежнему образу жизни.

Да какой же мужчина, вкушивший власть, отдаст её? И кому? Женщинам? Женщинам, которые могут только работать и ублажать любые фантазии и капризы своего домашнего Анки?!

Но если мужчин и женщин поровну, то кто-то имеет десятки жён, а кто-то – ни одной.

Для мужчин Великого Пелилакканка добыча женщин стала делом чести и жизни. С первого дня на новорожденного из самого почитаемого угла хижины смотрели выпуклые глаза Анки, постоянно напоминающие будущее предназначение появившегося на свет мальчика. Кроме глаз, в облике Анки преобладала самая нужная и важная часть настоящего мужчины – гипертрофированные гениталии.

Подрастающему отроку не надо было добывать себе в поте лица пищу, он не заводил друзей, ибо таковых у него не должно было быть до тех пор, пока он не обзаведётся хотя бы тремя жёнами. Дружить он будет потом, и только с такими же счастливцами, имеющими в своём распоряжении несколько женщин.

Но это в будущем, а оно не для всех становилось реальностью.

Все помыслы подрастающего мальчика, потом отрока направлялись к одному – Древний Закон Анки нерушим!

Когда наступала пора зрелости, юноша начинал искать женщин. Но где их найти? Его сверстники давно уже захвачены старшими и, значит, более сильными мужчинами, а Древний Закон Анки запрещал брать или воровать чужих жён, даже если они были согласны поменять мужа.

Вот этот-то запрет со временем начал размываться.

Всё чаще молодые люди тем или иным способом выманивали молодых женщин из-под опеки их стареющих хозяев и потерявших или теряющих доблесть Великого Анки...

Племена между собой не воевали, зато на пространствах Великого Пелилакканка разыгрывались многочисленные поединки между претендентами на женщину, либо между теми, кто их уже имел, и теми, кому Древний Закон Анки в части «чужую женщину не трогай!» не нравился и был в тягость.

События шли своим чередом, сменялись поколения...

Имеющие женщин стали объединяться для защиты своих прав собственности на жён, что, естественно, привело к единению возрастающей массы холостяков. Шайки последних рыскали повсюду в поисках удобного случая, если не обзавестись гаремом, то хотя бы отведать части блаженств, вкушаемых когда-то без меры Великим Анки и предками родов и племён.

Чтобы защитить своих женщин от посягательства со стороны, их владельцы построили укреплённые городки – ромты. Каждый рождённый мальчик, достигший десяти лет, изгонялся из дома и из ромта с тем, дабы не стать конкурентом старшим, обладателям женщин.

Однако со временем хозяева старели и не могли уже удержать ни власти, ни напора молодых, ни самих женщин. Холостяки врывались не без помощи последних в городки, и начиналась делёжка добычи – женщин.

Прежних их повелителей убивали, если они выступали против, либо изгоняли, после чего нападавшие превращались в обороняющихся.

Так было до тех пор, пока в роду прямых потомков Анки – ылимов – не появился Уленийк – повелитель всего Великого Пелилакканка...

– И долго нам ещё предстоит идти? – шурясь на весёлую пляску огня костра, поинтересовался Иван.

Он уже стал жалеть, что ввязался в это путешествие вне дороги времени.

– Завтра, и ещё два раза завтра, и потом уже придём, – беззаботно отозвался Пирик, для которого такие переходы были, наверное, привычным делом.

Но как сын Уленийка всё-таки попал под стену какого-то заброшенного строения так далеко от своего дома, то есть, от своего ромта, где на него напали и избили не менее десятка здоровых мужчин, Иван так и не дознался. Всё что-то сбивало и уводило их в сторону от этого разговора. Нельзя же считать, думалось ходоку, такую отговорку, что тот будто бы пошёл искать новых женщин. Ведь сам утверждает, что их у него уже много.

Услышав безрадостный для него ответ, Иван вздохнул.

– Это очень далеко.

– Далеко, – подтвердил Пирик. – Отец мой, Уленийк, не знает, где я, а то бы помог.

– Каким образом?

– О! – приподнял перед собой руки Пирик и завёл глаза под лоб – вылитый какой-то святой, виденный Иваном на картине. – Отец мой, Уленийк, меня всегда берёт с собой, когда просто так бродит во времени. – Пирик опять закатил глаза и мечтательно произнёс: – Там интересно всё... Люди совсем другие. Закона Анки не знают. Иногда меня с отцом моим, Уленийком, ругают, что мы одеты не так правильно, как они. Отец мой, Уленийк, тогда им всем доказывает гордость каждого мужчины, произошедшего от Анки...

– Так ты всё-таки тоже ходок? – в изумлении перебил его напевный восторг воспоминавший Иван.

– Нет. Это отец мой, Уленийк, ходок. Но он берёт меня на спину и идёт куда захочет. Он видит новое, и я вижу такое же. А там...

– Всё ясно, – не дал ему Иван вновь растечься по древу реминисценций, – он тебя просто пробивает или протаскивает сквозь время. Тогда он у тебя сильный ходок и человек, – похвалил Иван за глаза Уленийка.

Уленийк представлялся ему неким заботливым папашей, таскающим на себе своё взрослое чадло туда-сюда в поле ходьбы.

– Да, – важно подтвердил Пирик. – Отец мой, Уленийк, сильный. У него сто жён!

Такое понимание силы уже не занимало Ивана. Но если Пирик побывал с отцом своим, Уленийком... Тьфу ты!.. – оборвал себя Иван. Даже в мыслях навязло это – «отец мой, Уленийк»...

– Я тебя тоже мог бы пробить по дороге времени в ромт твоего отца, только не знаю куда.

– Как куда? – Пирик по-настоящему удивился словам Ивана. – Всё прямо и прямо. Будет река, потом ещё две, а потом ещё за одной как раз и будет ромт отца моего, Уленийка.

– Тоже мне, объяснил, называется, – покачал головой Иван.

– Так все объясняют.

– Может быть... – Иван некоторое время задумчиво смотрел на огонь. – Вот что, Пирик, – наконец сказал он. – Ты мне можешь нарисовать, как туда пройти.

– Что?

«У них же нет ещё письменности, – с досадой фыркнул ходок. – Даже иероглифов никаких ещё не придумали. Или пиктограмм... А уж карты рисовать... Да и само это – рисовать, тоже проблематично».

– Извини, – буркнул он. – Вот смотри, – он расчистил и заровнял сапогом землю перед костром, подбросил в него несколько колючих веток для большего освещения. – Мы с тобой здесь...

– Откуда знаешь? – Пирик жадно посмотрел на Ивана, будто тот ему сообщил что-то невероятное. – Почему тут?

– Я ничего не знаю. Но мы с тобой будем так считать, что мы с тобой сейчас сидим вот здесь. – Иван с надеждой выждал паузу. Пирик всё-таки не понимал. – Ладно. Мы были здесь, – он ткнул палочкой ниже, – а теперь идём вот в эту сторону... – Пирик готов был задать вновь свой вопрос, мол, откуда он это узнал, но Иван поторопился сказать: – Будем так считать. Тогда вот где-то здесь, – показал он на рисунке новой отметкой по ходу их движения, – находится ромт твоего отца, Уле... Твоего отца.

– Да, да, он там, – радостно подтвердил сын своего отца.

Но возможность показать точкой на земле их настоящее местонахождение, стрелкой, показывающей направление движения и следующей точкой, якобы, обозначившей расположение ромта Уленийка, его ошеломили. Он открыл рот от увиденного и услышанного и застыл в таком состоянии.

– Тогда, – продолжил Иван, усмехаясь произведённому эффекту на Пирика, – между нами и ромтом твоего отца находятся реки... Вот одна. – Он провёл извилистую линию. – Потом ещё две реки... Так и так. И ещё одна, на том берегу, которой, как раз и располагается ромт твоего отца. Так?

– Да, – одними губами прошептал Пирик. Глаза его округлились от ужаса. Он слегка отодвинулся от Ивана. – Ты знаешь?

– Что? – оторвался от своеобразной карты Иван и посмотрел на Пирика внимательно.

– Отец мой, Уленийк, тоже знает. Это... – и он как-то загадочно, поведя рукой на грубую карту, и на поблекшую вечернюю зарю, и на первые звёзды, добавил с придыханием: – Всё это знает.

Иван попытался разгадать, что из его объяснений вызвало такое поведение спутника.

– Что он знает?

– Он знает... Но и ты знаешь... это... – Он перешёл на язык ходоков: – Ты знаешь читать? Пирик ждал ответа с волнением, у него подрагивали губы, язык жадно облизывал их. Он ждал.

– Знаю, – слегка пожал плечами Иван. – Но...

– И отец мой, Уленийк, знает.

– Откуда! – недоверчиво воскликнул Иван.

– Как откуда? От Анки! – уверенно и вдохновенно проговорил Пирик уже на своём наречии и отчего-то засмеялся, показав в красноватом свете костра ровные крепкие зубы. И целые.

Иван, может быть, и задумался бы, чего это Пирик вдруг стал смеяться, но ему почему-то показалось – Пирик уж слишком развеселился не к месту и времени, и его следовало вернуть к действительности.

– Скажи, сколько мы сегодня с тобой успели пройти?

Пирик, сгоняя с лица улыбку, повёл плечами.

– Что прошли, того уже нет, – заявил он авторитетно. – Зачем считать? Считать пройденное нельзя. Голова болеть будет.

– Не будет! Считать надо. Я тогда буду знать... Если я буду знать расстояние, то смогу тебя взять на дорогу времени и быть у отца твоего... уже сегодня. Так сколько?

– Хе! – Пирик вновь уставился на свои пальцы и зашевелил губами. Считаю, он почёсывал голову, сбивался, опять начинал. Определил, но, похоже, не очень уверенно, потому глаз на Ивана не поднимал, а, приподняв руки, показал расчёты: – Столько, наверное, тумов, думаю.

– Семь, значит. Так... Мы прошли, по моим расчётам километров пятнадцать. Тогда это будет примерно один к двум с небольшим, то есть каждый тум километра два с гаком... Так и будем считать: семь тумов равны пятнадцати километрам. А теперь напрягись и подсчитай, сколько тумов осталось идти до ромта твоего отца? Давай, давай, не ленись, – добавил Иван, услышав тяжкий вздох Пирика.

Достойный сын своего отца снова считал пальцы ног и рук, шевелил губами, остервенело сплёвывал, сбиваясь и всё повторяя с нуля. Кожа его заблестела от пота, выжатого усердной и трудной работой ума.

– Вот, – наконец сказал он облегчённо. – Два раза всё и ещё столько...

– Пятьдесят два или это будет... ясно. Гаси костёр, и пойдём!

Пирик кинулся к Ивану, раскрыв руки.

Сесть себе на спину, куда с радостным воплем намеревался устроиться Пирик, Иван не позволил, а крепко схватил его за руку.

– Уй, – выразил своё недовольство Пирик, рассчитывающий, по-видимому, заодно отдохнуть, взгромоздясь на помочи рюкзака Ивана.

– Ничего, и так пройдем, – пообещал ему Иван и с удовольствием стал на дорогу времени. Вскоре они вышли в реальный мир.

Если их расчёты были верны, то перемещение в пространстве через поле ходьбы произошло всего километров на сто десять, но ночные звуки и запахи здесь разительно отличались от недавно покинутых мест.

Там царила почти идиллическая тишина.

Когда они там шли ещё в реальном мире, им навстречу попадались табуны и косяки травоядных, кое-где в иссиня-зелёной траве в свете позднего вечера мелькали спины хищников. Зато к ночи всё притихло и, к радости Ивана, пропали все насекомые, а звёзды над головой беззвучно блистали несказанно выразительной чистотой и объёмностью на фоне могучей небесной реки – Млечного пути.

Здесь же, где они появились после перехода, было всё по-иному.

Сырой, наполненный густым туманом воздух, казалось, тяжело навалился и придавил влажную траву. В тёмно-белёсом мареве пыхтело, стонало и повизгивало – приглушённо и жутковато. Почти рядом как будто кого-то волочили по гремучему листу железа.

Иван напрягся, зато Пирик тихо рассмеялся.

– Ты так же велик, как мой отец, Уленойк. О-о! Мой отец, Уленойк, так будет рад!

По-видимому, он произнёс самую высшую похвалу, на которую мог рассчитывать Иван. Пирик тем временем закрутил головой из стороны в сторону – прислушивался.

– Туда, – указал он рукой. – Ромт отца моего, Уленойка, в двух тархах.

– Далеко?

– В двух тархах... Рядом. Пройдём только через лес Херести.

Идти ночью через лес Ивану не очень хотелось – ещё лоб расшибёшь, – и он уже пожалел, что поторопился, притом дважды.

Первое, – вообще, что решил на ночь глядя реализовать в реальном мире, а второе, связанное с первым, – не учёл простой вещи, что ночь и через сто с небольшим километров никуда не денется, а он не сделал поправку, чтобы выйти сюда хотя бы ранним утром.

Но опять становиться на дорогу времени не одному, с Пириком, ему претило.

– Ладно, пошли, коли рядом.

Пирик либо мог видеть в молочной темноте, либо знал тут каждую кочку, так что был ли лес Херести на самом деле, Иван не заметил, пройдя с полкилометра по ровной утрамбованной дороге.

– Пришли!

Иван после слов Пирика ничего не увидел. Лишь приглядевшись, заметил – нечто тёмное как будто надвинулось на него. Он протянул руку и встретил мокрый камень, но Пирика ни о чём не стал расспрашивать. В конце концов, что мог представлять собой ромт, он не знал.

– Не упади, ступени, – со смешком предупредил Пирик и потянул Ивана за руку. – Пойдём!

Ступени были. Узкие, крутые, ведущие вниз. Иван шёл вслепую, но путь их явно пролегал по наклонному каменному туннелю, – он чувствовал над головой низкий свод, а плечи порой цеплялись за стены.

Пирик потянул в сторону. Запахло дымком. Перед ними открылся гигантский подземный грот, тускло освещённый несколькими угасающими кострами.

– Спят, – бесцеремонным громким голосом оповестил Пирик. И заторопился. – Мы тоже будем. Ты посмотри, кто тебе покажется лучше. Отец мой, Уленийк, гостям своих жён не жалеет. Вон их сколько у него.

– Да, – согласился слегка ошеломлённый Иван, – много...

Вокруг костров на шкурах лежали десятки женщин. Одеты только в свою кожу, – вспоминал Иван описание голых тел, вычитанное в какой-то книге. В полутьме трудно было судить о том, насколько стройны или симпатичны женщины, но ничем особенным они, похоже, не отличались от современных Ивану.

Пирик тут же позабыл об Иване. Он перешагнул через несколько спящих женщин, бесцеремонно разбудил одну из них. Та радостно вскрикнула. Тут же без лишней подготовки или заигрывания они занялись любовью, благо, раздеваться Пирику не надо было из-за удобства покроя одежды.

Иван усмехнулся, отступил ближе к стене, где стопкой громоздились шкуры, и лёг спать, понимая, что им ночью никто заниматься не будет.

Ромт Уленийка оказался устроенным в толще скалы, выходящей на поверхность земли в виде останца – столообразный шип на равнине, покрытой лугами и клочками обработанных полей. Вблизи ромта набирала силу небольшая рощица деревьев, названий которых Иван не знал, да и не интересовался этим.

Ночью его дважды будили какие-то женщины и требовали от него удовлетворения. Он спросонья ругался на непонятном для них языке, и они разочарованно отступали от него, но пытались всё время быть рядом с ним. Он чувствовал их округлые формы и прерывистое дыхание, пока вновь не засыпал.

Разбудили его выкрики женщин, заполнивших подземелье, словно оживлённый торг где-нибудь на восточном базаре. Их гортанная одновременная речь производила впечатление нескончаемых пререканий друг с другом и со всеми, кто их окружал. Тем не менее, выглядели они довольно миролюбиво и на Ивана посматривали не без любопытства, а когда он поднялся во весь свой почти двухметровый рост, звук подобный стону раздался в этом стиснутом со всех сторон каменными стенами гареме.

– Ты встал, – услышал он на фоне бурного потока слов женщин рыкающий возглас и заметил направляющегося в его сторону человека невероятной мощи. Он едва ли был ниже Ивана, но казался приземистым из-за ширины плеч, объёма бицепсов и ног-тумб, подпиравших всё это невероятное порождение природы. – Уленийк приветствует тебя, собрата по ходьбе во времени! Уленийк – это я!

Так Иван когда-то познакомился с одноглазым Уленийком – вождём племени ылимов...

Может ли КЕРГИШЕТ?

После посещения Перкунаса Иван вернулся к себе, переговорил с Сарыем, затем с Симоном. На языке у него всё время висело прозвище Учителя, но он не решился-таки позлословить, подозревая, что тому будет неприятно услышать от своего ученика подобное.

Прозвище – Задира – несло в себе какую-то тайну. Сарыя можно было назвать по-всякому, но только, по мнению Ивана, не Задирой. У него не было и чёрточки, связанной с таким именем. И когда Симон покидал их, как всегда выходя через дверь, Иван выскользнул за ним на лестничную площадку и задал свой вопрос.

Симон усмехнулся летучей улыбкой – не понять, то ли осудил, то ли воспринял как должное – и ответил:

– Ладно, как-нибудь расскажу. Это рассказ не в двух словах. А то и сам, может быть, узнаешь. Только, Ваня, не называй его так, даже заглазно. Договорились?

– Да мне просто интересно.

– Я расскажу. До свидания!

Камен на кухне допивал чай, глаза его осуждающе остановились на входящем ученике.

«Неужели знает, о чём я спрашивал Симона?» – обеспокоился тот, но Сарый скрипуче сказал:

– Знаешь, Ваня, я не хотел говорить при Симоне, у него дел и так много, но тебе скажу. Не нравятся мне твои приключения в прошлом. Нет в них... – Камен покривил губами, подбирая слово, – цели, что ли. Что ты ищешь там? У тебя уже появился кое-какой опыт ходьбы, а ты всё ещё гоняешься во времени, будто мальчишка неразумный, выпущенный во двор погулять.

– Так дела-то никакого иного нет, – выдавил из себя Иван. – А к аппаратчикам я схожу...

– Ясно, сходишь...

– Правда, схожу.

Камен со всех сторон осмотрел последний пряник, перекусил его и, не жуя, проглотил большую его половину.

– Да, – кивнул он. – Дела никакого нет. Пока нет. Но ведь ты – КЕРГИШЕТ, Ваня, а КЕРГИШЕТ, говорят...

– Ну да! – воскликнул Иван. – Он найдёт ходокам общее дело, объединит их для него и прочая... Я уже неоднократно слышал об этом. И от вас с Симоном, и от других ходоков. Но скажи, раз ты мой Учитель, если я... Нет, КЕРГИШЕТ этот, – Иван отмежевался от него и стал упоминать в третьем лице, – сможет объединить не только ходоков-современников, но и всех других, живущих в разновременье, то, значит, он уже сделал это. По идее-то так? Возьмём того же Перкунаса. Он меня увидел, но до того не знал. Да они все там, в прошлом, ничего о какой-то объединительной миссии КЕРГИШЕТА не знают. Нардана вот какого-то чтят, кстати... А вы, выходцы из будущего... Ведь тоже ничего, кроме опять же слухов, о его, этого КЕРГИШЕТА, якобы эпохальных деяниях слухом не слыхивали. Одни предположения... Что же тогда получается?... Да, и ещё я забыл сказать. Этот КЕРГИШЕТ якобы замкнёт время. Ни много, ни мало. Как это? Подумай сам, мой Учитель. Новый Пояс Дурных Веков создаст и всех загонит за линию Прибоя?

Сарый невозмутимо допил чай и перевернул чашку донышком вверх – показал: напился, наконец.

– Будущее, Ваня, – менторским тоном заговорил он и выпрямился, словно ему в спину внезапно вбили стальной стержень, – так же как и прошлое, – многовариантное... – Но тут же он расслабился, будто отёк и продолжил со скукой в голосе: – На то ты и КЕРГИШЕТ, а не кто-то иной, чтобы разобраться во всём этом самому. И найти ходокам дело. И замкнуть время...

– Но, Учитель! – не без сарказма воскликнул Иван. – В твоих словах нет света и наставления. Одна лишь беспомощность и надежда на случай. Даже не это, а упование на чудо свершения мифа, сложившегося вокруг имени КЕРГИШЕТА. И этого чуда ты ждёшь от меня? Но ты же меня уже худо-бедно узнал, а я-то знаю себя ещё лучше. Так вот, на чудо я не способен, поэтому ничего о том, что описывает миф о КЕРГИШЕТЕ, не будет! Не будет и всё! Не надейтесь и не ждите!

– Ты, Ваня, не кричи так, – спокойно и рассудительно проговорил Сарый. – Наш сосед уже нас не жалуется за то, что мы по ночам не спим, а ногами шоркаем...

– Ему и до того это не нравилось, – вставил Иван. – Будет ему...

– Будет... – перебил его Сарый. – Мы не о том... Ты не прав во всём, что здесь мне высказал о КЕРГИШЕТЕ. Замкнуть время – это некий образ, о расширительном значении которого можно толковать по-разному. Я думаю, исподволь, но ты уже начал делать именно это...

– Ну да? – дрогнул голосом Иван.

– Да, Ваня, да! Посуди сам. Ты уже повидал несколько поколений ходоков, которые между собой, даже, несмотря на самый большой их кимер... Что такое кимер? – уставился он на Ивана. – Конечно, ты ещё не знаешь... Да нет, знаешь же! Я тебе уже говорил. Просто не было случая повториться... Это слово означает у нас, ходоков, предельную способность ходоков погружаться в прошлое в пересчёте на годы... Мой кимер? Невелик, Ваня. Три с половиной тысячи лет. У Симона – до шести тысяч. У тебя... Пока не знаю. Думаю, что и ты его тоже ещё полностью не знаешь... Так вот, будь у них этот кимер пусть даже тысяч на пять или больше, но и тогда многие ходоки встретиться друг с другом не могут. Кто из наших сегодняшних ходоков смог бы побывать у тех, кто умер задолго до их предела ходьбы во времени? Никто! Так что единственным живым свидетелем, связавшим эти поколения, являешься ты, Ваня! Иначе, что тогда называть замыканием времени для ходоков, если не это? Между ними появилась возможность почти из уст в уста передать своё слово, словно деньги по почте... Не-ет, Ваня. Мне казалось, я тебе уже много раз говорил о подобном, но ты всё считаешь себя обычным обывателем, дорвавшимся до открывшейся перед ним возможности ходить во времени. Ты КЕРГИШЕТ, Ваня. Или нет? С тебя другой спрос. И ты должен...

Иван поднял руки вверх, останавливая Учителя.

– Только не заклинай меня, пожалуйста! Я же сам всё понимаю... Но чем больше думаю об этом, тем меньше понимаю. Понимаешь... Фу-ты! – Иван засмеялся. – Зациклился тут с тобой. Поверь, я думаю, придумать ничего не могу. Тем более, сейчас. Мне к Уленойку сходить надо.

Сарый фыркнул.

– А я тебя не держу. Иди. Я и сам собираюсь...

– Знаю я.

– Ты у нас всё знаешь, – взъерошился Сарый. – Ты у нас грамотный! Ты у нас современный! Походишь с моё, оценишь и поймёшь. Тем более, у тебя скоро у самого наступит такое же... А сейчас с тебя как... Иди, Ваня, чтобы я тебе не наговорил грубостей и глупостей, коих ты достоин. У тебя свои заботы, у меня свои.

Иван посмотрел на рассерженного Учителя и умилился.

Как был он для него книгой, не прочитанной до конца, так и остался, а там, в конце, быть может, вся разгадка, что он собой представляет. А сейчас он для него – только внешняя оболочка. Но до чего она стала для него родной и одомашненной, словно занял Камен в его квартире место священного очага, к которому возвращаются с душевным трепетом и покаянием.

Ну что бы он делал, если бы не было Сарыя, его Учителя?

Кредо Уленойка

Уленойк встретил его, не покидая своего громадного устройства под сидение, мастерски выдолбленного из целого ствола дерева. Сидел он, широко расставив толстые, сильные ноги. Молодая женщина полулежала между ними и проворно ласкала его развитые гениталии.

В свою первую встречу с ним Иван немало был смущён такой картинкой. Уленойк всегда занимался любовью со своими женщинами, а если не занимался, то им самим подобным образом занимались женщины. Похоже, иных дел у правителя ылимов не находилось.

Уленойк радостно приветствовал появление Ивана, но зад свой от сидения не оторвал.

– Хорошо, что ты не забываешь меня. Я тут... Видишь. – Он чуть наклонился и пощекотал женщине пухлые соски груди. – И тебе советую.

– Спасибо, но...

– Нет, Ваня. Меня трудно уговорить и убедить, когда я смотрю на тебя. Ты имеешь грудь борца, руки и ноги твои подобны корням и ветвям дерева умхо, ты уже прославлен у моих женщин силой и красотой, лицо твоё похоже на прекрасное лицо моего предка Перойка. А твоё мужское начало достойно самого великого Анки.

«Откуда бы им знать? – обеспокоено подумал Иван. – Следят, что ли?»

А Уленойк, сказав и упомянув своего знаменитого предка, повёл рукой в сторону вырубленной в скале ниши, где каменный идол Анки сиял во всей своей красоте. Третью всего его образа, выполненного грубо и даже небрежно, на взгляд Ивана, занимало то, чем он прославился в веках, и над этим неизвестный скульптор постарался на славу. Здесь каждая чёрточка придавала особую значимость великолепию фаллоса и всему тому, что ему сопутствовало.

– И посмотри, как ты одет, Ваня, – неторопливо продолжал прямой потомок Анки. – Надо укрывать спину и грудь, чтобы ядовитые абаканки не навредили тебе и не сели болячками и другой пакостью. Но промежность должна быть свободным и открытой. Видя это, кто может усомниться – мужчина ты или нет? Стеснительность, о которой ты мне говорил прошлый раз, не должна мешать. Так как стеснение членов здесь плохо отражается на работе сердца и гнетёт разум. У человека искажается походка и томится душа...

Иван слушал разглагольствования амазонского ходока и не знал: возмущаться ему или смеяться. По-видимому, он не должен был делать ни того, ни другого.

Образ жизни мужчин-ылимов, так же как и мужчин иных племён Великого Пелилакканка, состоял именно в таком понимании своего предназначения. Всё остальное в их жизни: работа на полях, сбор плодов, разведение скота и ведение иного хозяйства – только поддерживало их норму поведения. Женщины всегда ходили нагими, не считая узкой полоски выделанной кожи, едва прикрывающей лоно, да и то, наверное, чтобы обезопасить себя от веток и травы. Мужчины же, напротив, такой же кожей сохраняли плечи и спину. Скорее не для того, чтобы обезопасить себя от мифических абаканок, а, вернее всего, от ударов палками – этого единственного оружия на просторах страны, будущей Великой Амазонии, «зелёного ада».

– И женщины всегда должны видеть веселящую их душу плоть великого Анки, – гремел Уленойк, – иметь возможность наполнить свои руки, рот и лоно её объёмом, познать трепет и упругость мужского естества...

Женщина, ублажавшая Уленойка, не понимала их разговора, ведомого на языке ходоков вперемежку с местным. Она с увлечением продолжала своё занятие. Уленойк, высказывая Ивану своё кредо, каким-то образом, наверное, проявил свои мысли, отчего женщина начала извиваться гибким телом и постанывать. Уленойк опустил руку и помял ей небольшую грудь с заострёнными от желания бледно-розовыми сосками. Нежно повёл указательным пальцем вдоль её живота вниз и пощекотал между ног.

Иван, стиснув зубы, замер. А Уленойк, словно позабыв о нём, доводил женщину до экстаза. Его громадные руки оказались такими же проворными, как и у его очередной подружки, содрогавшейся от наслаждения.

Наконец она выгнулась, стон перешёл в крик...

– ...у них, – как ни в чём ни бывало, продолжал Уленойк, оставляя женщину один на один со своим счастьем, – желание есть всегда, но дремлет, когда мужское естество скрыто, а это всё равно, что недоступно. Поэтому надо делать так, чтобы оно всегда бодрствовало, и было готово дать женщине счастье.

– Но, – решился не согласиться Иван, сам доведённый зрелищем до возбуждения, – нельзя объять необъятного, как у нас говорят. У тебя столько женщин и, если у всех будет всегда недремлющее желание и готовность, то... Это, уж точно, надо быть Богом, а не человеком, дабы все их желания удовлетворить. Я бы никогда...

– Что ты, Ваня! Для этого есть тысячи способов. Вот смотри! – Уленойк опять потянулся к женщине.

– Не надо! – выкрикнул Иван. – Как-нибудь в другой раз. Я к тебе по делу пришёл, а не смотреть, как ты тут лихо справляешься со своими женщинами.

Реликты

– А-а, помнишь! – выслушав Ивана, удовлетворённо заметил Уленойк. – А я уже думал, тебя моё предложение посмотреть на них, на туйков, не заинтересовало. Я покажу тебе их. Но опять предупреждаю, дело не безопасное.

– Я помню. И кое-что взял с собой.

– Что? – оживился вождь ылимов, отдирая руки женщины от своих членов и небрежным мановением кисти руки, отсылая её от себя. – Мне, Ваня, интересно посмотреть, что ты принёс. У нашего народа когда-то тоже были какие-то вещи, которые иногда попадали к нам из будущего... Или, может быть, доходили к нам из прошлого. Показывай!

Такой Уленойк нравился Ивану больше, чем изнеженный и бездумный, вечно занятый женщинами и утехами с ними.

Он раскрыл свой рюкзак, заметно обтрепавшийся и полинявший от постоянного употребления. Но он уже привык к нему, и менять его на новый, подаренный Симоном, не торопился.

Уленойк нетерпеливо потянулся, потрогал клапаны заплечного мешка туриста, ремни. Сосредоточенно засопел.

– Не из кожи, – оценил он.

– Брезент, палаточная ткань, – машинально пояснил Иван и распахнул, показав содержимое рюкзака.

Так же машинально отвёл потянувшуюся громадную, ищущую, что бы ухватить, руку Уленойка.

Сверху лежал толстый свитер, под ним – пистолет и бинокль.

– Это оружие, – Иван отложил пистолет в сторону, вновь отводя уже обе руки, протянутые ылимом, и подсовывая ему бинокль. – А это, чтобы хорошо далеко видеть.

Уже после минутного объяснения Уленойк крутил окуляры, хотя имел всего один глаз, а другой был заклеен какой-то замазкой, и густо хохотал, рассматривая удалённые углы своего ромта.

Ещё в прошлый раз Иван заметил, что вождь ылимов, проявляя живой интерес к вещам из будущего, обладать ими не желает. Для его времени все они составляли некие экзотические игрушки, не нужные в практической жизни. Подаренная ему тогда, в первый раз, Иваном зажигалка, занимала его только первые мгновения. Он с недоверчивым восхищением встречал каждое появление язычка пламени и точно так же, как сейчас развлекался биноклем, смеялся и ухал от восторга.

Однако зажигалка сразу же затерялась где-то в его гареме, вызывая, наверное, кратковременное внимание толпы женщин, после чего вещица дошла до бесчисленной оравы детишек, где так же удивляла всех некоторое время; потом её, наверное, выбросили за ненадобностью или элементарно потеряли и забыли о ней.

И сейчас его любопытство к биноклю быстро пропало, и он уже с уважением взвешивал в руках топорик, тут же принялся рассматривать фотоаппарат, взятый Иваном в этот поход из соображений, самому ему непонятных. Дошла очередь до верёвки – тонкой и прочной. Она-то и вызвала у Уленойка наибольший интерес.

– Не слишком тонка? – деловито начал расспрашивать он. – Я тяжёлый. Если упаду, не порвётся?

– Нас двоих выдержит, – заверил Иван, не уточняя, куда это Уленойк решил падать.

– И это? – ылим попытался разогнуть крюки миниатюрной кошки, венчающей один конец верёвки.

– И это.

Иван вынул, было, бластер, но тут же положил назад, а показал на ряд консервных банок, поясняя их назначение. Уленойк понял его объяснения по-своему.

– Копчёное мясо надо обложить листом рихола. Чем дольше оно в нём лежит, тем мягче и вкуснее. – Пообещал: – Я возьму.

Он попробовал хлеб, купленный Сарыем для Ивана в ближайшем от его квартиры магазине, и нашёл его слишком солёным и суховатым.

– Наш лучше, – заявил он безапелляционно. – Наш возьмём!

Иван не спорил. Он имел своё мнение на еду. Привычка есть привычное – в натуре человека, часть его представлений о мире и жизни. Потому-то хлеб соплеменников Уленойка – густая каша из каких-то непечённых злаков – совершенно не шла ему в горло. Кашу он с детства не любил.

Подготовка, в общем, заняла немного времени, но истомила Ивана.

Жизнь в ромте, на взгляд со стороны, за время подготовки ничем не изменилась, но короткие приказы Уленойка исполнялись беспрекословно и споро. Предводитель ылимов при этом успевал ласкать своих многочисленных жён, а по представлениям Ивана, бесконечного их числа, в непонятной ему же последовательности появляющихся перед своим кумиром, хозяином и мужем, получая от него желаемое.

Всё это походило на сплошную оргию, и в то же самое время – на сборы. Разнообразные действия Уленойка нельзя было назвать ни половым актом, ни соитием: он совершал все эти манипуляции, походя, и продолжал разговаривать с Иваном и комментировать свою экипировку:

– Квак мне подарил один хороший человек из будущего.

– Зачем он тебе? – с удивлением посмотрел Иван на короткий меч – скифский акинак.

– Как зачем? По дороге времени пойдём. Вдруг патхку встретим, а то на муна наткнёмся. А если уж шуур появится, то разве можно обойтись без квака?

– А-а... кто это... патхка и шуур эти? – таких слов Иван от ходоков никогда не слышал.

– Я знаю. Те, кто приходит из будущего, почему-то всегда так спрашивают. Патхка – жаба не меньше ребёнка, и кашляет. Если её слюна на тебя попадёт, рана будет. Патхки живут в поле ходьбы. А мун тоже там живёт, и похож на волка. Горбатый только.

– Не встречал, – сказал Иван. – Я вообще никогда пока что на дороге времени не встречал... – Он остановился, вспомнив похожего на курицу монстра, что охотился за ним.

– Ещё встретишь!

– А шуур? Что за зверь?

– Змея, – Уленойк брезгливо покривил губами. – Как червяк большой. Вредная. Укусить может. Даже не заметишь, как она к тебе подобрётся. Я думал, ты так обуваешься потому, что шуур боишься.

– Да нет... – растерянно сказал Иван. Сапоги он со службы в армии предпочитал иной обуви, если надо было куда-то идти вне города. Да и работа прорабом требовала такой обуви, чтобы можно было пройти по грязи и лужам новостройки. Полюбопытствовал: – Ты с ними со всеми встречался?

– Я убил одну патхку. Дубиной. У меня тогда ещё не было квака. Две шуур раздавил ногой, – сказал ылим с гордостью. – И... убежал от муна! – он громоподобно захохотал.

Как непохожи были дон Севильяк и Уленойк, но Иван всё время ловил себя на сравнении их поведения, улыбок и слов. Пожалуй, только смех их роднил: беззаботный, громкий, от всей души. И тот и другой радовались жизни, как дети.

Наконец хозяин ромта выпрямился во весь свой великолепный рост и опоясался кваком, отмахнул, будто муху женщину, припавшую к его паху, оглядел орлиным взглядом своё жилище.

Женщины занимались своими делами. Горели костры-очаги. Короткие красноватые языки огня облизывали крутые бока глиняных ёмкостей. Вверх тянулся дым, перемешанный с паром. В дальнем углу верещали и клубились дети. Матово поблескивала какая-то изуродованная на вид посуда, расставленная в беспорядке около костров.

Ивану здесь не нравилось.

Громадный подземный захламлённый и переполненный жильцами дом-двор с запахом сырых, невыделанных кож, нечистых тел, звенящий женским и детским многоголосием, был далёк от представлений Ивана об уюте и порядке в доме.

– Я готов, Ваня.

– Здесь станем на дорогу?

– А что? Пошли!

Они стали на дорогу времени и шли довольно долго в прошлое. Наконец, Уленойк оповестил о достижении нужной точки зоха.

Тяжёлый плетёный короб горбатил его. Он по-волчьи, всем телом, обернулся, чтобы увидеть Ивана, выходящего в реальный мир мгновением позже его.

– Отсюда пойдём, – сказал ылим. – Туда.

Вокруг громоздились скалы, заслоняя горизонт, и указующий взмах руки потомка великого Анки не был точен, так как указывал направление как раз в вертикальную стенку ближайшего утёса. Впрочем, Иван не возражал. Такие мелочи пропускал мимо себя. Точность выхода к ущелью, где проживали трёхглазые люди – туйки, как их называл Уленойк – в целом, зависела от напарника, не рискнувшего проявиться рядом с этим ущельем.

– Это ты, наверное, можешь выходить так, что не ошибёшься ни на шаг, а я... – Уленойк не оправдывался, объяснял. – Иной раз бывает, что, выйдя в реальный мир, могу промахнуться на полдня хорошей пробежки. Лучше подальше от опасного места, зато вернее.

– Вокруг твоего ромта время тоже ведёт себя не так, как везде, – напомнил Иван.

Сегодня, направляясь к Уленойку, он не смог выйти туда, куда намеревался. Погрешность была небольшой – десятка три метров и не более пяти минут, но если в первый раз промахку списал на себя, то в этот испытал воздействие аномалии вокруг ромта местного ходока.

– А как же, – важно отметил напоминание Ивана ылим. – Здесь же когда-то жил Анки. Он всё мог делать. Даже временем управлять.

– Ну, уж, – буркнул Иван. Ещё один Пекта объявился. Поинтересовался, подражая выговору Уленойка: – На много сегодня промахнулись?

– Сегодня нет. Думаю, – он посмотрел на солнце, – дойдём прежде, чем проголодаемся.

– У тебя завидное чувство времени, – съязвил Иван.

– А что?

– Всё в порядке. Веди меня!

Иван хотел, вспомнив давно виденный фильм, сказать с пафосом: – Веди меня туалетный работник! Но не сказал. Всё равно напарник его не поймёт.

Никаких намёков на тропинку не было. Шло девятое тысячелетие до нашей эры. Район Анд, южная их часть, там, где когда-то появится государство Чили, будущий меднорудный бассейн. Пока же здесь ещё не ступала нога даже древнего человека, да и, возможно, лапа зверя тоже, обегающего эти безводные места.

– Весёленькое местечко, – выразил своё мнение Иван в одно из тех немногих моментов, когда можно было идти рядом.

Уленойк шутки не понял или не принял. Сказал:

– В таких местах хроки своих женщин любят. – Он с беспокойством обозрел пространство перед собой. – Поэтому здесь, думаю, и трёхглазые живут.

«Если они тут, и вправду, живут, – в свою очередь подумал Иван. – Любое становище обживает округу в короткое время, а тут нет даже намёков на близкое соседство с людьми».

- Хроки, кто они?
- Духи огня.
- Похоже на то. Здесь жарковато.

Пот заливал Ивану лицо. Глазам было больно смотреть на выбеленные солнцем скалы и на нагромождение бесплодных каменных глыб, поверженных наземь.

– Не в том дело, что жарко, – всё так же озабоченно продолжал осматриваться Уленойк, – а в том, что в этой земле есть что-то такое, отчего хроки справляют здесь свои встречи с женщинами. И мне кажется... Стой! – Он остановился и насторожился, повёл ладонью сверху вниз. – Присядь!

Где-то робким утренним стуком в оконное стекло прокатился камень. Опять всё стихло, плаваясь и млея под огненными лучами солнца.

- Они там, – неопределённо дёрнул головой Уленойк и присел на камень.
- Хроки?
- Да. Достань бинокль и своё оружие.
- Встреча с ними опасна?
- Ылим вытянул вперёд губы.
- Не знаю.
- Тогда достаточно будет твоего квака.
- Кваком их не достанешь... Смотри во-он туда.

Иван увидел в указанном направлении такую же каменную какофонию, которая вот уже не менее часа окружала его со всех сторон.

- Не вижу, – сказал он, смахивая набежавшую от напряжения слезу.
- Не торопись, – посоветовал Уленойк.

И Иван увидел.

Между большими обломками скалы метрах в двухстах что-то двигалось. Очертания этого чего-то менялись. Оно было достаточно большим, но понять или определить увиденное Иван не мог.

– Что-то мельтешит, – протирая запотевшие глазницы, поделился он своими наблюдениями.

– Значит, они, – вздохнул Уленойк. – Мне не показалось. Они тоже ходоки, но теки. И глубина их погружения в прошлое на десяток-другой дней. Они не живут в одном времени, а дрожат в этом промежутке. Бери бинокль и попробуй войти с ними в ритм, только тогда рассмотришь что-нибудь.

- Что-то новое о ходоках. Я ничего подобного не слышал.
- Они появляются только здесь.
- А куда уходят?
- Не знаю.

Приноровясь, Иван включился в частоту временного колебания хроков. Они могли показаться странными существами. Однако Иван где-то уже видел похожих на них тварей. Лихорадочно стал вспоминать. Вначале он вспомнил глянцевитую поверхность их тел. Но хроки были покрыты коротким блекло-синеватым мехом. Он тоже отсвечивал, словно взбрызнутый водой. Потом эти причудливые мордочки, перечёркнутые поперёк глазной впадиной полудужьем вверх...

- Странные какие-то, – сказал Иван.
- Он так и не вспомнил, где встречал подобных хрокам созданий.

– Обычные обезьяны, – пояснил Уленойк, однако сам, по-видимому, в своём утверждении уверен не был.

- Если это обычные обезьяны, то почему они тебя так встревожили?

Уленойк повёл могучими плечами, шея его напряглась, блестя капельками пота.

– Они дорогу времени портят! – сказал он сердито. – После их появления я всегда встречаю закрытия. Скоро здесь для меня и щёлки не останется, чтобы я мог выйти в реальный мир. Знаешь, какая-то вонючая слизь плавает в поле ходьбы.

Сказав, Уленойк брезгливо передёрнулся.

– Я проверю.

Иван стал на дорогу времени, огляделся. Его поле ходьбы в ближайшей округе пространства и времени оставалось чистым.

– Для меня они следов не оставляют, – возвратясь, поведал он Уленойку. – А-а... – Вдруг догадался он. – Так вот почему мы с тобой карабкаемся в такую жару по этим глыбам.

– И это тоже, – согласился Уленойк. – Но и трёхглазые... Лучше к ним подойти в реальном мире. – И после паузы добавил: – Я так думаю.

«Стоит такая жара, а он тут думает», – Иван сел напротив проводника, но сразу вскочил, словно прикоснулся к раскалённой сковороде.

– Слушай, давай на полчаса смотаемся куда-нибудь на север, освежимся, а?

Уленойка заботы Ивана не тронули, он жару переносил легко.

– Сейчас, вон за тем камнем, будет расщелина, а за ней – трёхглазые.

– Фу на тебя! – Иван обеими ладонями вытер пот с лица.

Расщелина, как след ножа, разрезавший скальный взмёт, была узкой, чуть больше метра и тянулась довольно далеко. Здесь, в тени и относительной прохладе, проживала, наверное, львиная доля мелких обитателей Ноева ковчега, если они, впрочем, были на него допущены. Скорпионы и тонкие, с карандаш, змеи, жуки и пауки, какие-то зверушки с глазами-бусинками – всё это прятались в жёсткой щётке травы, клочками зацепившейся за голый камень, копошилось в паутине и зудело мухами и другой летучей кровожадной мелочью. Людей они не боялись, дорогу уступали нехотя, да и то, по-видимому, из-за боязни быть просто раздавленными.

Отдирая от потного лица паутину, хотя большая часть её оседала на крутых плечах ылиме, идущего впереди, отбиваясь от почуявших наживу насекомых, Иван протискивался сквозь завалы камней, ступал по иссушенному налёту мхов, готовых предательски осыпаться под ногой, и с каким-то непонятным для себя остервенением считал пройденные шаги. Вначале загадал двести, потом пятьсот, а Уленойк всё так же неумолимо прокладывал перед ним путь.

Ещё двести и – передышка, решил он, и тут же уткнулся в широченную спину проводника.

Уленойк оглянулся и молча потыкал указательным пальцем себе под ноги. Иван подумал: «Оступился, что ли? Вот и привал».

Но, протиснувшись между горячей каменной стенкой и мощным торсом Уленойка, понял свою ошибку. Щель заканчивалась на краю пропасти.

Внизу, в окружении выбеленных от жары склонов гор, расположился миниатюрный оазис вокруг небольшого озера, по всей видимости, глубокого: вода синела в центре его, контрастно выделяясь из береговой мутноватой отмели. От озера, идеально поделив круг, расходились три улицы или дороги – бело-пепельные ленты. За пределами оазиса они сливались с безжизненной окружающей пустыней и никуда, похоже, не вели.

Такая жёсткая обособленность людей, вернее, разумных существ, противоречила всем представлениям Ивана. Везде, где он уже побывал, связь между отдельными поселениями существовала обязательно – люди общались между собой. А здесь явно образовалось изолированное ото всех обжитое место.

Сектора между дорогами густо поросли деревьями, значит, решил Иван, население не занималось земледелием и, естественно, не производило продуктов питания. Скот пасти негде. Что ещё оставалось? Рыба в озере?

– Далеко, – сказал он, доставая бинокль. – Почему мы так таимся. Разве они могут нас видеть? Да ещё в такую жару?

– Они видят, – уверенно настоял на своём Уленийк, – а жары никакой не боятся.

– Боятся, не боятся, – рассеянно проговорил Иван, устанавливая окуляры. – Питаться-то они чем-то должны. Не воздухом единым жив человек.

– Они не люди!

Иван живо представил образ Напель, её изысканную фигуру, точёные до ослепительного совершенства ножки, чудную грудь, ласковые руки, округлость миловидного лица... И глубоко вздохнув, словно ему не хватало воздуха, произнёс твёрдо:

– Люди они!

– Трёхглазые?

– Ты тоже трёхглазый, да только не знаешь об этом.

– У меня... два глаза, – спохватился Уленийк и ощупал для верности своё лицо. – Было два глаза, пока... – Он покривил губы и не стал объяснять потерю. – У всех людей два глаза, а не три.

– Три, будь уверен. У меня тоже. Просто заросли они у нас. А у них нет... Ладно, посмотрим, так сказать, вооружённым глазом, что там у них делается.

Иван поднёс к глазам бинокль.

– Мне дашь посмотреть? – шёпотом спросил вождь ылимов, похожий на школьника, которому страсть как хочется заполучить в руки игрушку.

– Дам. Помолчи пока и не толкай под руку!

Сильная оптика ринула навстречу взору Ивана картину оазиса.

Он распался на множество отдельных участков. Помимо трёх радиальных, возможно, межевых или пограничных дорог, клочок живой земли вокруг озера изобилдовал другими разделительными дорожками и тропами – словно покрыт был муаровой сеткой трещин. Поголовье растительности теперь оказалось не сплошным густым, сквозь него можно было видеть примитивные жилища туземцев – лёгкие строения, состоящие, быть может, из одного навеса. Сами обитатели этого странного поселения в поле видимости отсутствовали.

Чем больше Иван всматривался, тем больше ему казалось, что озеро, деревья, навесы и дороги между ними напоминали аппликацию на кожаных куртках, носимых пацанами до всякого рода росписей на одежде молодыми и не очень молодыми его современниками.

Опустив бинокль, Иван разочарованно откинулся к стене. Ради чего он припёрся сюда по адской жаре? Если там, у оазиса, кто-то, может быть, и проживает, то уровень их развития далёк от того, какой ожидался им, когда Уленийк расписывал это племя.

– Там никого нет. И вообще...

– Они там есть, – без колебаний сказал Уленийк. – Затаились и ждут!

– От кого и что?

– От нас с тобой. От кого же? Они не любят... Я же тебе уже говорил, они не любят, когда за ними подглядывают.

Иван тряхнул головой, будто хотел стряхнуть с себя застрявшие слова Уленийка, ибо в них, по его мнению, не было никакого смысла. Убеждённости ылима казалась ему сродни маниакальному наваждению.

– Да откуда им знать о нас? Мы с тобой как мыши... Как уж и приползли сюда и теперь по сути дела тщимся что-то рассмотреть в замочную скважину. Вот и посуди... Ладно. Держи бинокль и смотри, а я схожу туда.

– Ты что, Ваня? – поднял руки кверху Уленийк. – Они же тебя убьют.

– Это ещё надо посмотреть, кто кого, – в запальчивости заявил Иван.

– Не хочу смотреть, как тебя убьют! – Уленийк оттолкнул руку Ивана с биноклем. – Убьют, а потом твою шкуру высушат и сделают бамбук. В него будут бить большими палками, и плясать вокруг него. А самого тебя съедят. Всего!

– Ну, ты даёшь, потомок Анки! – Иван даже полу открыл рот, с восхищением выслушав ылима. – Я смотрю, везде одно и то же. Что у вас, что у нас, а детей пугают одним и тем же.

– Я тебя не пугаю. Я тебя предупреждаю, – серьёзно сказал Уленойк. – Так оно и будет.

– Вот что, друг, не морочь мне голову, а выкладывай всё, что ты знаешь об этих трёхглазых. Только безо всяких жутких подробностей и запугиваний и без всяких этих... бамбумов.

Уленойк сокрушённо почмокал полными губами.

– Я тебе всё сказал.

– Э, нет. Не всё. Иначе откуда такие подробности: убьют, кожу на барабан натянут, мясо на съедение пустят? Да ещё и с плясками. Как я знаю, они...

– Их стреймами зовут.

– Ага!.. Но ты же их называл туйками. А теперь – стреймы.

– Это я их так зову, чтобы плохо им было.

– Однако!.. Вот как. Кто же тогда их называет стреймами?

– Все, – охотно отозвался ылим. – Стреймы иногда приходят к людям. Потому...

– Зачем приходят?

– Чтобы... – Уленойк в раздумье замолчал. Он не привык вести разговор в том темпе, какой ему навязал Иван. – Они иногда лечат людей.

– Так лечат же, а не калечат! Тогда зачем мы тут ползаем, прячемся от них?

– Ты не понимаешь, – уныло протянул Уленойк. – Они приходят. Да. И лечат. Но приходят они к людям как боги. Пришли и ушли... Боги не любят любопытных. Наказывают их слепотой и недугами. А некоторых безумием.

– Ну-ну? – поощрил Иван проводника. Но тот промолчал. – Ты-то сам их видел? Стреймов? И тех, кого они лечили или наказывали?

Уленойк отрицательно мотнул головой.

– Нет. Но другие точно видели и говорили, – сказал он убеждённо.

– Понятно, – попытожил Иван, хотя его понимание нуждалось в уточнениях, так как уверения ылима, не очевидца, стояло в ряду обычных слухов, возможно, распространяемых кем-то специально.

Правда, только зачем?

Хотя всё может быть. Оттого рассуждать он мог так.

Стреймы, по-видимому, действительно когда-то и кого-то вылечили или наказали. В силу таинственности своего бытия, а может быть, и происхождения – наличие третьего глаза тому порукой, – породило среди людей то представление о них, что и высказал ему Уленойк. Ведь сколько в истории случалось таких заблуждений, когда дело касалось самого главного для человека – его здоровья или нездоровья. Появляется порой слабый намёк, невероятное совпадение – и пошло-поехало. Из уст в уста, с новыми подробностями и добавлениями начинает гулять небылица, в основе которой какой-то второстепенный факт. И даже не факт, а предположение. Тем не менее, основная масса людей уверена, потому что она хочет верить, что так оно и есть, как говорят и описывают те, кто якобы видел и познал нечто. Если понятное и реальное противоречит непонятному и ирреальному, то первым пренебрегают. При этом, чем древнее, тем правдивее считается быличка, предание, хотя бы всё было совсем не так или вовсе не было на самом деле.

Да и что говорить о людях, живущих в таком далёком прошлом, если в его настоящем, в двадцать первом столетии, колдунов, магов и волшебников развелось больше, чем научных работников.

И, что странно и непонятно грамотному человеку, люди этим шарлатанам верят...

Оттого ещё любопытнее посмотреть на таинственное племя, обожествляемое людьми.

Впрочем, и побережья тоже следует.

Иван вынул из рюкзака подарок, переданный Симоном из будущего – бластер, с сомнением повертел его в руках. Помня о произведённом эффекте этого оружия при уничтожении зверя-ходока и Пояса Закрытых Веков, Иван представил, каким будет результат его использования в оазисе. Полыхнёт огнём всё, что может и не может гореть.

Зачем ему такой фейерверк? Ему нужна Напель. Или хотя бы сведения о ней.

Только сейчас он понял трудность исполнения желания найти её. Напель, быть может, ещё не родилась к этому времени или, напротив, давным-давно истёрлась в памяти соплеменников. Всё-таки период почти в одиннадцать тысяч лет громаден, а для жизни одного человека или для стрейма, если они относятся к хомо сапиенс, – бесконечен.

Почти полтысячи поколений укладывается в этот промежуток времени!

Однако с чего-то надо было начинать.

Сейчас. С сей минуты.

И уже от неё расширять потом поиск в ту и другую сторону: в прошлое и в будущее времена. В прошлом, ибо, по словам Элама, трёхглазые могли быть увлечены переселением перлей к Поясу. Но в будущем, коль скоро Напель дочь Пекты или Девиса.

– Держи! – Иван сунул бинокль в руки Уленойку и стал на дорогу времени.

Покидая реальность, он не сразу решился проявляться в оазисе стреймов. Очутившись на дороге времени, он похвалил себя за предусмотрительность.

Ничего будто бы не изменилось. Он также сидел в расщелине на краю пропасти, и всё так же кучерявился купами деревьев обжитой островок вокруг поблекшего зеркала озера – похоже, поселение трёхглазых существовало в обоих мирах, но здесь, в поле ходьбы, оно казалось более живым, чем в реальности. Можно было заметить движение по радиальным дорогам. Они тянулись по безжизненному пространству естественного провала в горах к окружающим его склонам.

Досадливо хмыкнув, Иван вернулся к Уленойку. Тот приноравливался к новому для него чуду грядущих веков – биноклю.

– Отдай! – ничего не объясняя, Иван выхватил его из рук опешившего вождя ылимов и опять стал на дорогу времени...

Так и есть – посёлок кипел живыми существами. Вот они, живущие в поле ходьбы... Как же их называл как-то Сарый?.. Крахи?.. Самехи?.. Хотя он в их существование и не верил, так как сам никогда не видел ни одного из них... Это потом он вспомнит.

Главное, что они могут ходить по дороге времени.

Но Напель с трудом могла двигаться даже вместе с ним.

Что-то не сходится. Либо стреймы никакого отношения к его возлюбленной не имеют, либо... сама Напель выдавала себя не за того, кто она есть на самом деле. Либо ещё...

Иван постарался вспомнить моменты общения с Напель, связанные с намёками на её происхождение. Пекта утверждал о своём отцовстве, а он точно был перль, то есть из виртуального мира будущего известной страны, населённой обычными людьми. Напель его отцовства не признавала, но и Девис – отец, по её версии, – тоже относился к обычным людям. Так или не так, но, по всей видимости, её родитель никакого отношения к трёхглазым стреймам не имел.

Тогда мать? Может ли человек иметь потомство от реликтовой популяции или параллельной ветви людей? Иван не обольщался на этот счёт, в таком вопросе он был полным профаном.

Впрочем...

– Чего бегаешь туда-сюда как хорк? – не слишком приветливо встретил его появление в реальном мире Уленойк. – Посмотрел? Был там?

– Не был, – огрызнулся Иван, захваченный одной мыслью. – Ты лучше скажи. Стреймы точно приходили к людям?

– Приходили. Это точно.

– Подожди, я о другом. Они вступали в связь с людьми? Э-э... Дети у людей от них были? Уленойк понял Ивана превратно. Он хитро сощурил глаза, ухмыльнулся и подтолкнул напарника плечом.

– Ты хочешь от стреймы, от их женщины иметь детей? Вот уж не думал...

– Меньше думай! У тебя одно на уме. Я тебе задал вопрос. Были или не были?

– Какой вопрос? Конечно, были. В этом деле они такие же люди. Им тоже хочется...

– Стоп! Оставь при себе... Да, они люди, но не простые. Они живут в поле ходьбы. Они...

– Ну и что, что они корукхи? – (Именно так их называл Сарый, вспомнил Иван). – Я иногда с одной из жён уединяюсь...

– Слушай, Уленойк! Ты можешь говорить о чём-нибудь серьёзном, а не только о женщинах и утехах с ними?

Ылим недовольно рыкнул.

– Ваше время, Ваня, – плохое время. Вы скоро все вымрете, – сварливо изрёк Уленойк. – Что может быть серьёзнее отношений между мужчиной и женщиной? Ты сам-то зачем сюда пришёл?

Иван почувствовал прилив крови к щекам.

– Пришёл и пришёл, – промямлил он. – Дело не в том...

– Именно в том, Ваня! Именно! – с напором сказал вождь ылимов. – Только я люблю говорить о великом единстве полов, а ты нет.

– А, – досадливо отмахнулся Иван.

Ему надо было решать, что делать. Следует ли идти в посёлок стреймов или поискать Напель в каком-нибудь другом месте. Но в каком? Где?

– Ты думаешь, она от человека и женщины стреймов? – примирительно спросил Уленойк.

Помедлив, Иван поведал ему о проделанном только что анализе родословной Напель со всеми возникшими после того вопросами и сомнениями.

Уленойк выслушал напарника. Смешно подёргал себя за нижнюю губу, будто намеревался её оторвать.

– Пойдём туда вместе, – заявил он решительно. – И сейчас!

– Как? В реальном времени?

Уленойк вздохнул, повёл вокруг глазом, хотел, по-видимому, возразить, но сказал:

– Да.

Спуск в природный котлован пришлось всё-таки сделать через дорогу времени – иного пути не существовало. Вокруг стеной стояли скалы без каких-либо намёков на тропинки или лазы. Стреймы, наверное, тоже пользовались другим способом выхода и входа в своё поселение при появлении в реальном мире.

В поле ходьбы проходов-спусков с плато в низину оказалось предостаточно, не надо тратить много времени на их поиск. Ближайший находился всего в шагах трёхстах – в крутом склоне был пробит широкий жёлобовидный каньон, полого ведущий к оазису стреймов. Иван тут же обратил внимание на сколы отвесных каменных стен явно неприродного образования. Кто-то здесь, в поле ходьбы, поработал, обеспечивая удобную связь оазиса с внешним миром.

– Стреймы? – кивнул он на склоны, обращая внимание спутника.

Уленойк что-то пробурчал в ответ и вновь насторожился. С первого шага на дороге времени все его помыслы сосредоточились на поиск возможной опасности.

Могучее тело ылима, казалось, обрело необыкновенную лёгкость, впору стать на цыпочки и взлететь, но он словно стал ниже – колени чуть согнуты, голова втянута в плечи, руки с растопыренными пальцами чуть вперёд на уровне груди подобно чувствительным антеннам какого-то неведомого насекомого. Вкрадчивый, бесшумный шаг выверен.

Иван попытался подражать ему, хотя ничего подозрительного не ощущал, однако вскоре понял тщету своих потуг сравняться с вождём ылимов. А ведь там, в горах Афганистана, он слыл профессионалом – тихо пройти, подойти, отступить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.